
Огонек
33
Н.Ж

ПО СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛЕ

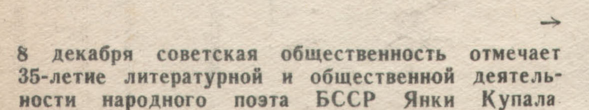
Комсомолец-сталевар фасоннолитейного цеха металлургического ордена Ленина завода «Серп и молот» (Москва) К. Чирков — один из лучших сталеваров завода. Работая на пятой печи, он систематически перевыполняет нормы плавки. К. Чирков сейчас учится на третьем курсе Литературного института. Недавно им сдана в печать книга о производстве стали на заводе «Серп и молот».

Близится день выборов в местные советы в западных областях УССР и БССР. Председатель колхоза имени 17 сентября (Несвижский район, Барановичская область, БССР) Е. Чижевский беседует с колхозниками об избирательном законе.

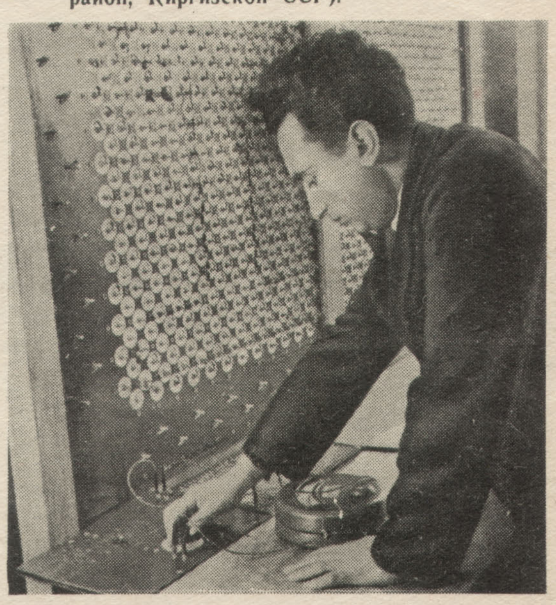
25 ноября исполнилось 75 лет со дня рождения поэта и певца киргизского народа Токтогула Сатылганова. На снимке: могила Токтогула в ущелье Сасык-Джида (Кетмень-Тюбинский район, Киргизской ССР).

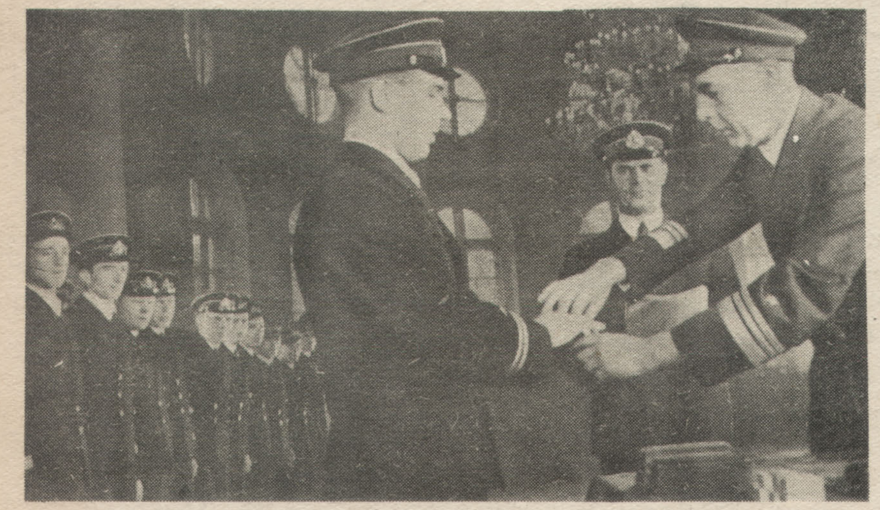

→

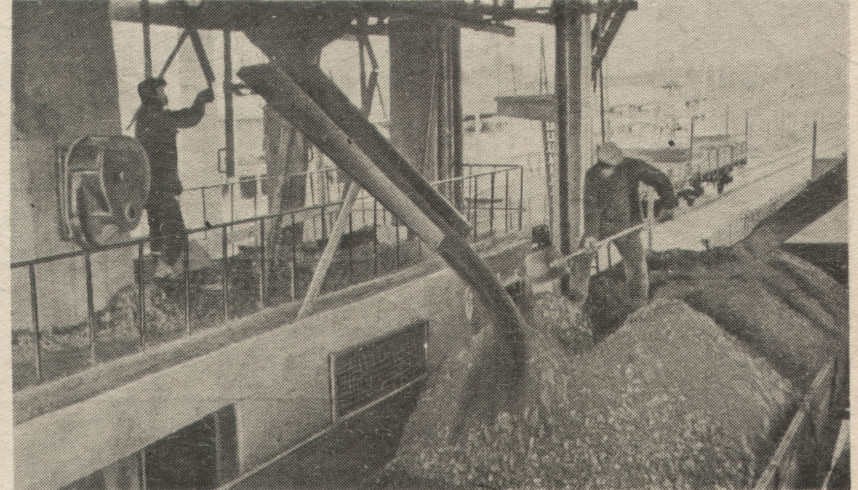
8 декабря советская общественность отмечает 35-летие литературной и общественной деятельности народного поэта БССР Янки Купала

Научный сотрудник Энергетического института Академии наук СССР комсомолец Л. Гутенмахер закончил работу над изобретенным им электроинтегратором. Это аппарат, дающий возможность решать сложнейшие диференциальные уравнения крайне простым способом.

В Военно-морской академии имени Ворошилова в Ленинграде состоялся выпуск нового отряда командиров Военно-Морского Флота. На снимке: начальник Академии вице-адмирал Г. Степанов вручает диплом об окончании Академии и значок «Отличник Военно-Морского Флота» старшему лейтенанту Е. Степанову.

Шахта № 2 Гдовских сланцевых рудников в Ленинградской области — одна из крупнейших в Советском Союзе. Все процессы добычи сланца механизированы. Шахта рассчитана на добычу 4 тысяч тонн сланца в сутки. На снимке: механизированная погрузка сланца из бункеров на железнодорожную платформу.

На обложке: рисунок художника Н. Жукова „Ф. Энгельс за работой". На последней странице обложки: Зимняя база ЦДКА имени Фрунзе в Гуначхирском ущелье (Карачаевская автономная область). Командиры РККА выходят на лыжную тренировку. Фото В. Руйкович.

18-й год издания

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

№ 33
(720)
Суббота, 30 ноября
1940 года

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ВЫХОДИТ ТРИ РАЗА В МЕСЯЦ

СОЛНЦЕ СТАЛИНСКОЙ КОНСТИТУЦИИ ЯРКО СВЕТИТ НАД НЕОБ'ЯТНЫМИ ПРОСТОРАМИ МОГУЩЕСТВЕННОГО СОЮЗА ШЕСТНАДЦАТИ СОВЕТСКИХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Под знаменем Сталинской конституции!

Фото Б. Фишмана (Кишинев, 1940 г.)

Е. Федоров

ПРОСТЫЕ РАССКАЗЫ О КИРОВЕ

В 1905 году Сергей Миронович жил в Томске. Он вел революционную работу и организовал в этом городе подпольную типографию. Она была устроена очень остроумно. На окраине города, по Аполлинариевской улице, был куплен старый дом. Под ним революционеры вырыли подвал. Они устроили секретный ход в него и в подполье оборудовали типографские станки. Все было готово для работы.

Типография была очень хорошо замаскирована, и никто не дознался бы, где она. Но все-таки кто-то донес полиции, что дом на Аполлинариевской очень подозрительный и там, наверное, есть подпольная типография.

И тотчас во двор этого дома нагрянул пристав с городовыми. Они обыскали весь дом и ничего не нашли. Тогда пристав срочно вызвал саперную часть. Солдаты изрыли весь двор, но типографии так и не нашли.

Сергей Миронович очень гордился такой удачной конспирацией типографии.

Однако его и трех товарищей все-таки арестовали и посадили в тюрьму. Это было в июле 1906 года. И он просидел в тюрьме ровно два года.

В июле 1908 года Сергея Мироновича освободили, и он уехал в Иркутск.

Там он опять занялся революционной работой.

Но тут произошло совершенно неожиданное обстоятельство.

Подпольная типография в Томске вдруг сама себя выдала.

И произошло это так.

Когда подпольщики покинули дом на Аполлинариевской, туда вселили городовых. И они там зажили. Полицейские даже и не подозревали, что под ними подвал, а в подвале типография.

Но вот в одно утро произошло вроде землетрясения. Дом с городовыми затрещал, заколебался и провалился. Оказалось, произошел обвал.

И тогда нашли подпольную типографию.

Тут жандармы бросились искать организатора этой типографии. Но Сергей Миронович не дремал: как только он узнал про обвал, сейчас же покинул Сибирь.

Рассказы написаны на основе материалов Ленинградского музея С. М. Кирова.

Он уехал на другой край России, в город Владикавказ.

И там он под фамилией Миронова стал работать в редакции демократической газеты «Терек».

Сергей Миронович писал обличительные статьи. В них он метко и остроумно разоблачал произвол царского самодержавия. Время было трудное: это были годы черной реакции. Газету «Терек» неоднократно подвергали штрафу за статьи Сергея Мироновича и даже привлекали к судебной ответственности. Но это нисколько не смущало его, и он продолжал писать эзоповским языком. Конечно, все понимали, о чем пишется в этих статьях. Понимали это и царские чиновники, но придраться к Сергею Мироновичу было нелегко: он весьма умело обходил все препятствия царской цензуры.

Но тут Сергею Мироновичу не повезло. Департамент полиции разослал по всей России секретный циркуляр, а в этом циркуляре были подробно описаны приметы Сергея Кострикова. Предписывалось «при его обнаружении — арестовать, обыскать и уведомить Томское жандармское управление».

Этот циркуляр департамента полиции, конечно, получили и владикавказские жандармы, но они и не подозревали, что сотрудник газеты Миронов и Сергей Костриков — одно и то же лицо. А выдал Сергея Мироновича директор Казанского промышленного училища.

Случилось это так. Сергей Миронович утерял атестат об окончании этого училища, а он ему вдруг понадобился. И он запросил из училища дубликат атестата. При этом, конечно, сообщил свой точный адрес: город Владикавказ, Лекарская улица, дом № 12.

Директор училища не замедлил сообщить этот адрес жандармскому управлению.

Хотя Сергей Миронович переехал на другую квартиру, жандармы все же отыскали его в редакции газеты «Терек» и арестовали.

Они заковали его в кандалы и отправили в Томск.

После тяжких скитаний по пересыльным тюрьмам Сергей Миронович опять очутился в знакомом секретном корпусе Томской тюрьмы.

Начались допросы. Но Сергей Миронович спокойно заявлял, что он в Томске никогда не жил, а про типографию даже никогда не слыхал.

Следователь не отставал от Сергея Мироновича, но тот терпеливо твердил свое.

И так продолжалось изо дня в день добрых полгода.

Но вот, наконец, в марте 1912 года назначили суд.

Сергей Миронович снова отрицал, что он жил в Томске и знает о подпольной типографии.

Судьи задавали ему перекрестные вопросы. Они старались запутать его. Но Сергей Миронович стоял на своем.

Он был весьма хладнокровен. И отвечал даже с улыбкой.

Такое спокойствие выводило судей из себя.

И вот председатель суда обозлился и заявил:

— Так вы не признаетесь? Хорошо! Сейчас мы установим вашу личность. Вызвать свидетелей!

И тут ввели того самого пристава, который когда-то обыскивал дом на Аполлинариевской. Он тогда и арестовал Сергея Мироновича. Но это было шесть лет тому назад. Сергей Миронович в то время носил бороду и одевался в косоворотку. И руки у него от работы тогда были грубые, в царапинах. Он выглядел совсем простым парнем.

Несмотря на это сейчас он немного встревожился.

«А ведь узнает меня фараон!» — подумал он.

Тут председатель суда показывает на Сергея Мироновича и спрашивает полицейского:

— Вы, конечно, узнаете этого человека? Ведь вы когда-то его арестовали.

Пристав вытаращил глаза на Сергея Мироновича и очень смутился: перед ним у барьера стоял прилично одетый, гладко выбритый молодой человек. И в руках он держал хорошую шляпу.

А Сергей Миронович нисколько не растерялся. Он даже насмешливо улыбался приставу.

И тут пристав совсем смешался и пробубнил:

— Никак нет, господа судьи-с. Этого господина я никогда не видел-с. Тот был из простых-с...

Так и не узнал пристав Сергея Мироновича.

И суду пришлось его освободить...

★

В Баку, в черном городе, на промыслах в 1921 году вспыхнул нефтяной пожар. Тов. Киров организовал штаб по его тушению.

Рабочие энергично боролись с огнем. Они старались засыпать песком горящие потоки нефти и буровую скважину. Лучше всех действовала бригада старого рабочего Иса-Заде. Старик сорок лет проработал на нефтяных промыслах и поэтому знал, как бороться с огненной стихией. Он толково распоряжался, а рабочие быстро подтаскивали в мешках песок и засыпали горящий фонтан.

За работой никто не заметил, как появился коренастый, перемазанный нефтью и грязью парень. У него, как у негра, белели только зубы да белки глаз.

Но зоркий старик приметил этого парня и недовольно подумал:

«Наверное, лодырь, и он, конечно, отбился от соседней бригады».

И тогда Иса-Заде закричал парню:

— Эй, эй, молодец, надо помогать!

Парень не стал спорить. Он присоединился к рабочим и стал таскать песок. Он подбегал к накладчикам, наклонялся, широко расставив ноги, и на его широкие плечи клали мешок с песком. И тогда парень мчался к огню, где проворно высыпал песок, а затем снова бежал к накладчикам.

Он сновал, как челнок. И казалось, этот человек не знает усталости. Крепкая спина его дымилась паром. Иса-Заде с восхищением подумал:

«Хороший работник! Напрасно я подозревал, что он лодырь».

Бригада Иса-Заде, не покладая рук, работала много часов. И усерднее всех старался парень с широкими плечами. За все время он на несколько минут куда-то убегал, а

«С. М. Киров у В. И. Ленина». 1920 год.

Картина худ. А. Горбова. Музей С. М. Кирова в Ленинграде.

затем снова возвращался. В первый раз, когда этот парень отлучился, старый Иса-Заде подумал:

«Ну, я так и знал, он улучил минутку и, когда я отвернулся, сбежал».

Но парень скоро вернулся и снова с жаром взялся за работу, а Иса-Заде стало стыдно за свое подозрение.

К утру дружными усилиями бригады горящий фонтан погасили. Рабочие легко вздохнули.

И тогда к парню подошел старик Иса-Заде. Он восхищенно похлопал его по плечу и похвалил:

— Молодец! Ты хорошо помогал выполнять приказ товарища Кирова. Спасибо, парень!

Но тут рабочие подтолкнули Иса-Заде.

— Да ты всмотрись лучше. Какой же это парень? Это товарищ Киров!

Старик растерялся, но через минуту он укоризненно качал головой:

— Ай, ай, нехорошо! Зачем ты это делал?

Лицо Сергея Мироновича озарилось теплой улыбкой:

— Я же выполнял приказ штаба.

Иса-Заде, однако, не сдался.

— Так нельзя делать,— сказал он, — тут было очень опасно для жизни. Ты один, а нас много...

И все поняли, что старик сильно любит Кирова и сейчас очень досадует на то, что в горячке не узнал его.

А рабочие давно догадались, кто был с ними, да помалкивали: они боялись, чтобы он не ушел. С Кировым работать было легче и смелей: огонь ведь — не шутка!

★

В Ленинграде, неподалеку от Кировского завода, улицу Стачек пересекает железная дорога. Здесь был шлагбаум и происходили всегда трамвайные задержки. Место это так и называлось «Пущинская пересечка». Проходящие поезда сильно мешали движению по улице Стачек. А движение тут самое кипучее. Особенно утром, когда рабочие торопятся на завод.

Представьте себе: вот бежит трамвай с рабочими, торопится доставить их на завод, а тут стоп — шлагбаум закрыт и ехать дальше нельзя. Пассажиры, конечно, выходят из трамвая, нервничают и на чем свет стоит ругают порядки.

Однажды летом 1934 года к этому шлагбауму подъехал тов. Киров. Он увидел действительно невеселую картину. По железнодорожной линии маневрировали товарные поезда. А у «пересечки» столпились трамваи, автобусы, машины с грузом и пешеходы. На оживленной улице Ленинграда остановилось всякое движение. И продолжалось это сорок минут.

Глядя на все это, Киров подумал:

«Худо, очень худо! Ведь этак товарищи могут опоздать на работу, да и времени много зря пропадает».

Тут открыли шлагбаум, и Киров поехал на завод «Красный путиловец». Там он зашел в партийный комитет и спросил секретаря:

— Объясни, товарищ, почему у вас народ опаздывает на работу?

— По разным причинам народ опаздывает,— спокойно ответил секретарь. — Бывает, человек проспит, а больше из-за шлагбаума опаздывают.

Сергей Миронович не успокоился и опять спросил:

— А сколько народа из-за шлагбаума опаздывает?

Секретарь очень смутился, но откровенно сознался:

— Этого, Сергей Миронович, мы не учитывали. Это сделать невозможно...

После этого разговора тов. Киров поехал на другие заводы. Там у него были разные важные дела. И там он у секретарей партийных комитетов узнавал, почему опаздывают на работу. И оказалось, что большинство опаздывает из-за шлагбаума.

Киров подсчитал и увидел: дорого обходится государству этот шлагбаум. С тех пор как построена железная дорога, так и повелось задерживаться у шлагбаума. К этому привыкли все. Ругались, а привыкли. Худая это была привычка. Но никому в

С. М. Киров.

Портрет работы худ. С. Бондар.

голову не приходила мысль уничтожить это неудобство.

А теперь все поняли, что терпеть дальше нельзя. Решили построить мост-виадук. Пусть по нему и ходят поезда. А под мостом будут пробегать трамваи, автобусы, машины. И пешеходы могут проходить. Никакой задержки тогда не будет, и никто не опоздает на работу.

В это лето и начали строить виадук.

Киров очень часто приезжал сюда и осматривал работу.

30 ноября 1934 года в Ленинграде стоял золотистый, солнечный день. Это был выходной день. И шофер Юдин в этот день повез Сергея Мироновича осматривать новостройки. Тов. Киров любил в выходные дни побывать всюду.

Шофер Юдин отвез его в Лесной, потом на Выборгскую сторону: там строились большие дома для рабочих. Сергей Миронович обошел все постройки и осмотрел готовые квартиры. Он очень хотел, чтобы в этих новых квартирах рабочим было удобно и хорошо жить, поэтому осматривал по-хозяйски каждую мелочь. Подойдет, открутит кран,— идет ли вода, осматривал плиты на кухнях,— удобно ли будет хозяйкам готовить на них. Все было в порядке.

Потом шофер вез Сергея Мироновича дальше.

А ехать было хорошо и весело. Воздух чистый, прохладный. Небо синее. И куда ни поглядит шофер Юдин, всюду видит кировские дела. На солнце сверкает асфальт. На широких проспектах деревья бегут мимо машины. А вот новые дома. А вот новые стройки...

В эту минуту тов. Киров говорит ему:

— Отвези ты меня, Сидор Михайлович, сейчас на перемычку.

Шофер, конечно, знал, о какой перемычке идет речь, и мигом доставил туда Кирова.

Там, у шлагбаума, как всегда, затор.

Трамваи, автобусы, машины, пешеходы. Но странно: все ждут терпеливо. И даже не ругаются. Все с удовольствием смотрят на кипучую работу и говорят с радостью:

— Ну, скоро конец нашим мукам!

Киров тем временем поднялся на насыпь и осмотрел работу.

— Эх, жить-то как хорошо!

Шофер улыбнулся:

— Хорошо, Сергей Миронович! — и показал ему на перемычку. — А мост-то скоро отстроят.

— Отстроят—уверенно отозвался Киров.— Посмотри, Сидор Михайлович, что творится. Видишь, какое движение на улице. По ней, как по жиле, жизнь бежит. А тут вдруг застопорит. Худо ведь.

— Куда как худо!

— А теперь этого больше не будет!

— Не будет, Сергей Миронович!

Киров посмотрел вдоль улицы и сказал:

— В следующий объезд мы без задержки на заводы поедем!..

Но на другой день у подъезда Смольного стояла пустая и одинокая машина. По щекам шофера катились слезы.

В 16 часов 30 минут 1 декабря 1934 года подлые злодеи убили Сергея Мироновича Кирова...

В ТУВЕ

Фотоочерк Э. Виленского.

В этом году Тувинская народная республика отмечала девятнадцатую годовщину своего освобождения и десятилетие создания своей новой письменности.

Советский журналист Э. Виленский, посетивший во время празднеств Туву, сделал там ряд фотоснимков. Некоторые из них мы печатаем ниже.

←

Автомобиль — важнейшее средство транспорта в Туве, дороги там великолепные. Хорошо утрамбованные, прямые, они позволяют развивать очень большую скорость. Шоферы-тувинцы любят быструю езду: сто километров в час — для них обычная скорость.

На снимке: тувинская дорога—путь от советской границы на юг, в глубь страны.

↑

По закону, каждый арат должен несколько дней в году отдать дорожным работам: ремонту, строительству мостов, новых дорог и т. д.

Приехавшие из стойбища араты возят землю для дорожной насыпи.

←

Дорога приводит в Кызыл, столицу Тувы. Это небольшой, но очень хорошо спланированный и акуратный город. В нем есть двухэтажные здания и в этом году построен первый трехэтажный дом с центральным отоплением. В нем будет помещаться учебный комбинат.

↑

Велики еще противоречия в Тувинской республике. В восточном районе часто можно увидеть берестяную юрту. В ней всегда дует ветер, очаг дымит.

←

В современной юрте в западных хошунах стены из плотной кошмы. Пол покрыт толстым ковром из овечьей шерсти. Кровать с пружинной сеткой, патефон, книги, швейная машина — таково убранство современной юрты.

→

Скотоводство — основной источник существования тувинцев. Даже у небогатого арата найдешь стадо в сто, двести голов скота. Овцы, козы, коровы, лошади — вот состав поголовья. Реже встречаются верблюды и ослы.

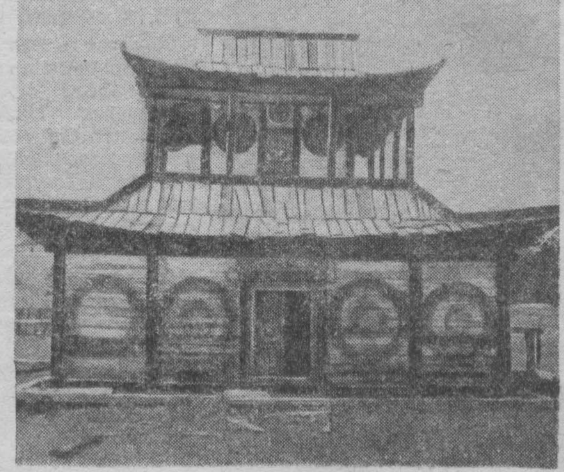
Козье стадо одного из аратов Барун-Гемчинского хошуна.

←

Раньше аратские стада паслись на сочных тувинских степях без всякого присмотра. В зависимости от сезона стада перегонялись с места на место или оставлялись на несколько месяцев.

Сейчас это явление можно наблюдать все реже и реже. Араты следят за своими стадами. В горах я встретил овечье стадо с пастушкой.

→

Население разломало ненавистные храмы. Сохранился один монастырь, в котором сложены сотни «богов», изъятых из других монастырей, уничтоженных тувинцами.

Лучшая учительница Тувы — двадцатидвухлетняя Манзрыкчи. В июне правительство наградило ее орденом республики. Мы застали Манзрыкчи в пионерском лагере, где она проводила лето.

Председатель президиума Малого хурала тов. Полат вручил Манзрыкчи орден.

В эти же дни тов. Полат посетил районный центр, где работает учительница тов. Манзрыкчи. Район добился огромных успехов по ликвидации неграмотности: 91% взрослого населения умеет здесь читать и писать.

Тов. Полат прикрепил к районному знамени орден республики, которым правительство наградило район за успехи в деле внедрения новой письменности.

С. Персов

ВОЗВРАЩЕНИЕ СЫНА

Над литовским местечком Ракишки неожиданно появился самолет. Странный какой-то: проделал над деревянными домишками круг, второй, третий...

— Что бы это могло обозначать?— удивлялись местечковые жители.

За последние несколько месяцев, с момента прихода Красной Армии, местечко Ракишки, как и вся Литва, повидало немало удивительного, но чтобы самолет кружил именно над Ракишками, подобно гигантскому орлу?!.

Самолет куда-то скрылся, а люди все еще стояли, устремив глаза в небо. Кто-то обратился к старику Смушкевичу:

— Послушайте, а не ваш ли это сын?.. Тот самый... Из Москвы...

— Вот еще!—нахмурился старик.— Делать ему больше нечего... Так он, по-вашему, все и бросит и прилетит ни с того, ни с сего кружить над Ракишками...

Но вот показался автомобиль. Машина остановилась неподалеку от ветхого домика Смушкевича, из нее вышел советский летчик, а следом за ним—женщина.

Женщина обратилась к летчику:

— Яков, вон тот старик, наверно, твой отец... Копия!..

Отец мог только вымолвить:

— Сын мой... Это...

— Да, отец, это я! А где мать?

Мать в это время была на другой улице, у знакомых. В последнее время она часто сюда приходила слушать по радио Москву: а вдруг ей удастся услышать голос сына... И вот ей сообщили:

— Можете не только услышать, но и увидеть своего сына у себя в доме...

— Шутки шутите! — недоверчиво улыбнулась мать.

— Взгляните в окошко!—ответили ей.

На улице было черным-черно от людей. Все бежали по направлению к домику портного Смушкевича.

Мать обнимала сына, плакала и шептала, будто боясь вспугнуть свое счастье:

— Яша... Яшенька... Детка моя..: Это не сон?.. Помнишь: двадцать пять лет тому назад... Помнишь?..

Двадцать пять лет тому назад, в начале осени 1915 года, Смушкевичи, как и тысячи других семей из Ракишек и окрестных городов и местечек, бежали с насиженных мест. Бесталанное и тупое командование царской армии терпело на фронтах поражение за поражением и вымещало всю свою злобу на бедноте прифронтовых селений.

Люди, забрав с собой нищенский скарб, тащились по дорогам, не зная, куда и зачем.

Смушкевичи очутились на станции Няндома, Вологодской губернии. Здесь отцу пришлось сменить утюг и ножницы на кнут и вожжи: он стал заниматься извозом, а тринадцатилетний Яша пошел работать в пекарню. Работать приходилось день и ночь, а кормиться все равно было нечем. Тогда мальчик отправился в большой город — в Вологду.

Шел 1916 год. Война была в самом разгаре. Работы на берегу реки было достаточно, и Смушкевич стал грузчиком. Было ему лет четырнадцать, но выглядел он, как семнадцатилетний: высокий, широкоплечий, крепкого сложения — весь в отца. К тому же он оказался хорошим парнем, любил помогать всем, кто постарше да послабее. Грузчики хорошо знали паренька-беженца, не без труда еще изъяснявшегося по-русски. И все называли его просто и сердечно, как своего:

— Яшка.

Великая Октябрьская социалистическая революция еще крепче связала молодого Смушкевича с товарищами по работе. Жизнь день ото дня становилась труднее и суровее.

Сюда, в Вологду, слетались стаи хищников: всякого рода тайные и явные белогвардейцы, иностранные дипломаты... А рабочие выделяли отряд за отрядом на подавление контрреволюции, на помощь молодой советской власти, для борьбы на многочисленных фронтах.

С одним из таких отрядов в 1918 году ушел добровольцем на фронт грузчик Яков Смушкевич. В эти же дни он вступил в большевистскую партию.

Смушкевичу было шестнадцать лет.

Весь период гражданской войны Яков Смушкевич прослужил в пехоте, а потом был назначен политруком летной части истребительной авиации.

Дважды Герой Советского Союза генерал-лейтенант авиации Яков Владимирович Смушкевич.

Фото М. Наппельбаума

Свой первый полет Смушкевич совершил в Пуховичи — маленькое белорусское местечко. По соседству с местечком была расположена летная часть, в которой он служил. Часть шефствовала над Пуховичским городским советом. Самолет совершал агитрейс с целью вовлечения рабочих в недавно организованное «Общество друзей Воздушного Флота».

При посадке самолет клюнул носом, задрал хвост и разбился в куски. Из-под обломков выбрались два человека: пилот и политрук Яков Смушкевич,— оба целы и невредимы. Митинг прошел с успехом, но обратно в летную часть обоим пришлось скромно возвращаться по железной дороге.

Без малого десять лет, до конца 1931 года, Смушкевич прослужил в Военно-Воздушном Флоте в качестве политработника. Начал с должности политрука и дошел до поста военного комиссара и начальника политотдела авиобригады. В течение этих десяти лет он учился летать у тех, кого сам обучал политграмоте. Готовился к званию летчика-наблюдателя, затем научился самостоятельно пилотировать машину. Одновременно он основательно и всесторонне изучил материальную часть самолета. Смушкевич не вылезал из мастерских, заодно с рабочими и техниками возился при ремонте и всячески помогал. Однако все это казалось ему недостаточным: он решил сделаться штурманом. Овладеть искусством ориентировки в воздухе без специальной подготовки, без школы — не так-то легко, вернее, сказать, невозможно, но у Смушкевича пытливый ум и любознательный глаз. И постепенно, день за днем, выполняя свои прямые обязанности политработника, он в совершенстве овладел специальностью штурмана: научился фотографировать, бомбить, стрелять, вести машину вслепую, в облаках, ночью...

Как раз в это время происходила инспекционная поверка. Поверка предъявляла чрезвычайно высокие требования. Пилоты и штурманы должны были показать образцы боевой подготовки. В поверке принимал участие и Смушкевич. И первое место по стрельбе самолета занял начальник политотдела авиобригады Яков Владимирович Смушкевич.

Вскоре—это было в конце 1931 года — Яков Смушкевич был назначен командиром и военным комиссаром авиобригады. Молодому комбригу пришлось заполнять анкету для отсылки в Москву, в наркомат. Когда дошло до графы «специальное образование», Смушкевич улыбнулся:

— Что писать? Окончил «хедер» в Ракишках?..

По инициативе Климента Ефремовича Ворошилова Яков Владимирович Смушкевич стал усиленно обучаться русскому языку и осенью 1932 года поехал учиться в школу летчиков, оставаясь в должности командира авиобригады.

Тридцать девять дней Смушкевича не было в бригаде. Все полагали, что комбриг в отпуску. Но вот он вернулся и привез с собой... атестат об окончании летной школы. Все были потрясены: за тридцать девять дней окончить школу, в которой обычно учатся два года!..

Это был своеобразный, нигде не зарегистрированный авиорекорд 1932 года...

Однажды среди зимы Яков Владимирович вывел свою бригаду в лагерь. Комбриг приказал оборудовать один аэродром на замерзшем озере, другой — в лесу, на покрытой снегом поляне, третий — в открытом поле. Работа была необычная: разогревать моторы, расчищать дороги от снега и льда, проводить боевую учебу приходилось в зимних условиях, в мороз и снег. Сам комбриг садился в машину к улету и как рядовой инструктор обучал всем тонкостям летного мастерства.

Два с половиной месяца авиосоединение провело в лагерях. И то, что многим казалось непонятной затеей комбрига — учеба в зимних условиях,— прошло недаром: семь лет спустя, на фронте против финской белогвардейщины, подготовка, которую получила бригада, очень и очень пригодилась...

Среди знаменательных дат, которыми изобилует жизнь Якова Владимировича Смушкевича, одна занимает особое место — это 2 мая 1935 года.

Накануне, Первого мая, когда вся страна справляла свой излюбленный праздник, когда взоры миллионов, населяющих наш Советский Союз, были обращены к Красной площади, к мавзолею, на трибуне которого с поднятой рукой стоял человек в военной шинели,— над головами демонстрантов великолепным строем проносилась стая стальных птиц. И на трибуне и в бесконечных колоннах демонстрантов люди с восторгом следили за стремительным полетом. А на следующий день, во время приема в Кремле, товарищ Ворошилов, представляя товарищу Сталину одного из участников воздушного парада на Красной площади, сказал:

— Это Яков Смушкевич — командир бригады, который лучше всех прошел на параде.

Товарищ Сталин протянул руку взволнованному Смушкевичу и сказал:

— Спасибо! Спасибо вам, товарищ комбриг!

Спустя некоторое время товарищ комбриг получил высокое назначение — выполнить ответственное государственное задание.

Много отваги и героизма проявил этот «грузчик от авиации», как называют его близкие товарищи.

Партия и правительство оценили работу комбрига по достоинству: 2 января 1937 года правительство наградило товарища Смушкевича орденом Ленина и присвоило ему звание Героя Советского Союза, наградив вторым орденом Ленина.

Это было 21 июня 1937 года.

В Кремлевском зале, получая из рук Михаила Ивановича Калинина почетную грамоту и два ордена Ленина, Яков Смушкевич произнес краткую речь.

— Если вы сегодня увидите Иосифа Виссарионовича,— обратился он к товарищу Калинину,— передайте ему, что мы,— Смушкевич указал на присутствующих товарищей, от имени которых он выступал,— что мы, и не только мы, но и вся Рабоче-Крестьянская Красная Армия готовы и впредь выполнить любое его задание!

— Да,— ответил Михаил Иванович,— я его увижу и обязательно передам.

На прощание товарищ Калинин, дружески пожимая руку Смушкевичу, пожелал:

— До будущей встречи! Здесь же...

Пожелание Михаила Ивановича Калинина сбылось. И снова — по случаю присвоения Якову Смушкевичу звания Героя Советского Союза. На сей раз за бои при Халхин-Голе.

За бои у Халхин-Гола Монгольская Народная Республика наградила тов. Смушкевича орденом Боевого красного знамени первой степени, а Президиум Верховного Совета СССР — вторично званием Героя Советского Союза и второй медалью «Золотая звезда».

Когда был опубликован Указ Верховного Совета об установлении бюстов дважды Героев Советского Союза у них на родине, близкие Якову Смушкевичу люди задали ему вопрос:

— Где будет установлен ваш бюст? Ракишки ведь не наши..

В то время, когда происходил этот разговор, Литва еще томилась под гнетом сметоновской клики. Но когда Литва стала советской, Смушкевич полетел в Ракишки проведать своих престарелых родителей.

Яков Смушкевич покинул местечко тринадцатилетним мальчиком как беженец, а двадцать пять лет спустя вернулся дважды Героем Советского Союза и генерал-лейтенантом могущественнейшей в мире авиации.

...Мать обнимает сына. плачет теплыми, материнскими слезами и непрерывно повторяет:

— Яша... Яшенька... Детка моя.. Это не сон?.. Помнишь: двадцать пять лет тому назад...

Сын обводит глазами свой отчий дом, убогую обстановку, он ищет манекен, с которым он в детстве мерялся ростом... Но манекена уже нет: отец—больше не портной. Глаза уже не те... А портновское дело без зоркого глаза... Куда ж это годится... Немало горя перенес отец: сметоновская власть часто таскала его в полицию, пыталась выведать, где сын...

— Чуяли, видно, что вы, большевики, принесете им погибель!— смеется отец.

У матери к сыну свои претензии.

— Почему ты не написал, что приедешь? Я бы хоть медовый лекех[1] испекла... Не правда ли? — обратилась она к жене сына.

А за окном не стихает людское море. Три тысячи человек, все местечко, хотят пробраться в ветхий домик старика Смушкевича и говорить, и рассказывать, и поделиться своими радостями со знатным земляком. Кое-кому это удается. Дети, перебивая друг друга, сообщают:

— Мы все уже учимся в школе! Все до единого... Но знаете — все, все до единого!..

А соседка спешит добавить:

— Только ли школы: лечат бесплатно!.. Дай мне бог так... Лечат без копейки денег...

— И у всех работа есть! — перебивает еще кто-то.

— Зарабатываем... На жизнь... На хлеб...

— Ох, и намытарились же мы при старой власти...

— Хорошо, что сейчас об этом можно только вспоминать!— подытоживает мать Якова Владимировича, и сама не знает, как быть: то ли просить людей оставить ее наедине со своим счастьем, то ли доставить себе радость и показать людям, какого она имеет сына...

Яков Смушкевич хочет осмотреть местечко, однако это не так-то легко сделать: большая толпа людей следует за ним. Вот речка, из которой он, бывало, по целым дням не вылезал... А вот бугор, с которого он запускал бумажные змеи... А вот и базар. Тот же базар, что и некогда: с низкорослыми крестьянскими лошаденками, с торчащими кверху оглоблями. И только крестьяне уже не те. Не стало прежних, пришибленных и забитых людей. Советская власть дала им землю, избавила от помещиков. А вот здесь сейчас клуб, городской клуб в советском местечке Ракишки...

— На этой площадке,—говорит один из сопровождавших,— будет установлен бюст нашего знатного земляка, дважды Героя Советского Союза, Якова Смушкевича...

...Снова над местечком кружит самолет. Яков Владимирович Смушкевич прощается со своими согражданами. Три тысячи человек стоят, подняв головы, и следят за великолепной стальной птицей, приветливо покачивающей крыльями.

Самолет взял курс на восток. Смушкевич возвращается в Москву— работать и побеждать. Не побеждать он не может, ибо Смушкевич живет и работает так, как учит Сталин.

А Сталин — это победа.

---

[1] Лекех — пряник.

СТО ДВАДЦАТЬ ЛЕТ АРТИЛЛЕРИЙСКОЙ АКАДЕМИИ

Здание Артиллерийской академии в Москве.

25 ноября (по старому стилю) 1820 года в Петербурге открылось артиллерийское училище, названное впоследствии Михайловским. Первоначально училище состояло из двух отделений: низшего, юнкерского, и высшего, офицерского.

В 1855 году офицерские классы отделились от училища. Этот год и следует считать первым годом самостоятельного существования Академии.

В истории артиллерии средина прошлого столетия знаменует собою конец эпохи гладкостенной артиллерии. Бронза и чугун, как материалы для изготовления орудий, уступают место стали; появляется нарезное оружие; вводятся медленно горящие пороха; идея скрепления орудий начинает претворяться в жизнь.

Почти все достижения в этих областях принадлежат бывшим воспитанникам и преподавателям Артиллерийской академии и училища. Имена Забудского, Маневского, Гадолина, Чернова и других конструкторов прекрасных орудий и создателей теории артиллерийской стрельбы заслуженно пользуются мировой известностью.

За годы советской власти Академия воспитала тысячи выдающихся артиллеристов — командиров и инженеров. Многие из них командуют крупными войсковыми соединениями, занимают ответственные посты в Красной Армии, руководят научно-исследовательской работой.

В боях с белофиннами воспитанники Артиллерийской академии Герои Советского Союза Турбин, Кутейников, дважды орденоносец Власов и другие показали чудеса храбрости. Их подвигами гордится вся Красная Армия.

Велики заслуги Артиллерийской академии и в воспитании научных кадров. Доктор технических наук профессор генерал-майор артиллерии А. А. Благонравов является крупнейшим специалистом по вопросам стрелкового вооружения. Огромное оборонное значение имеют работы доктора технических наук профессора генерал-майора М. Ф. Васильева. Им создана теория проектирования трубок и взрывателей.

Столь же замечательны труды и выдающихся профессоров Н. Я. Головина, Серебрякова, молодых специалистов Пчельникова, Ефимова, Ананьева, Третьякова и многих других, успешно двигающих вперед развитие артиллерийского вооружения и артиллерийской стрельбы Красной Армии.

За выдающиеся успехи в подготовке научных кадров командиров и инженеров — артиллеристов — в 1938 году Указом Президиума Верховного Совета СССР Артиллерийская академия награждена орденом Ленина.

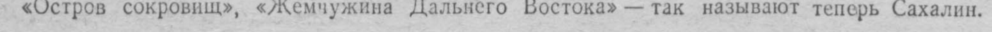
Остров сокровищ

Фотоочерк Н. Лыткина

На весь мир гремела печальная слава об этом острове царской каторги и ссылки. Само слово «Сахалин» было страшным. Звон кандалов сопровождал каждый шаг человека. Всюду царил дикий произвол. Сахалин называли «Островом слез».

Но вот пятнадцать лет назад над Сахалином гордо взвилось красное знамя Страны советов. Пятнадцать прошедших лет — это время большой созидательной работы, годы освоения неисчерпаемых богатств острова. Уголь, нефть и золото таятся в недрах Сахалина.

«Остров сокровищ», «Жемчужина Дальнего Востока» — так называют теперь Сахалин.

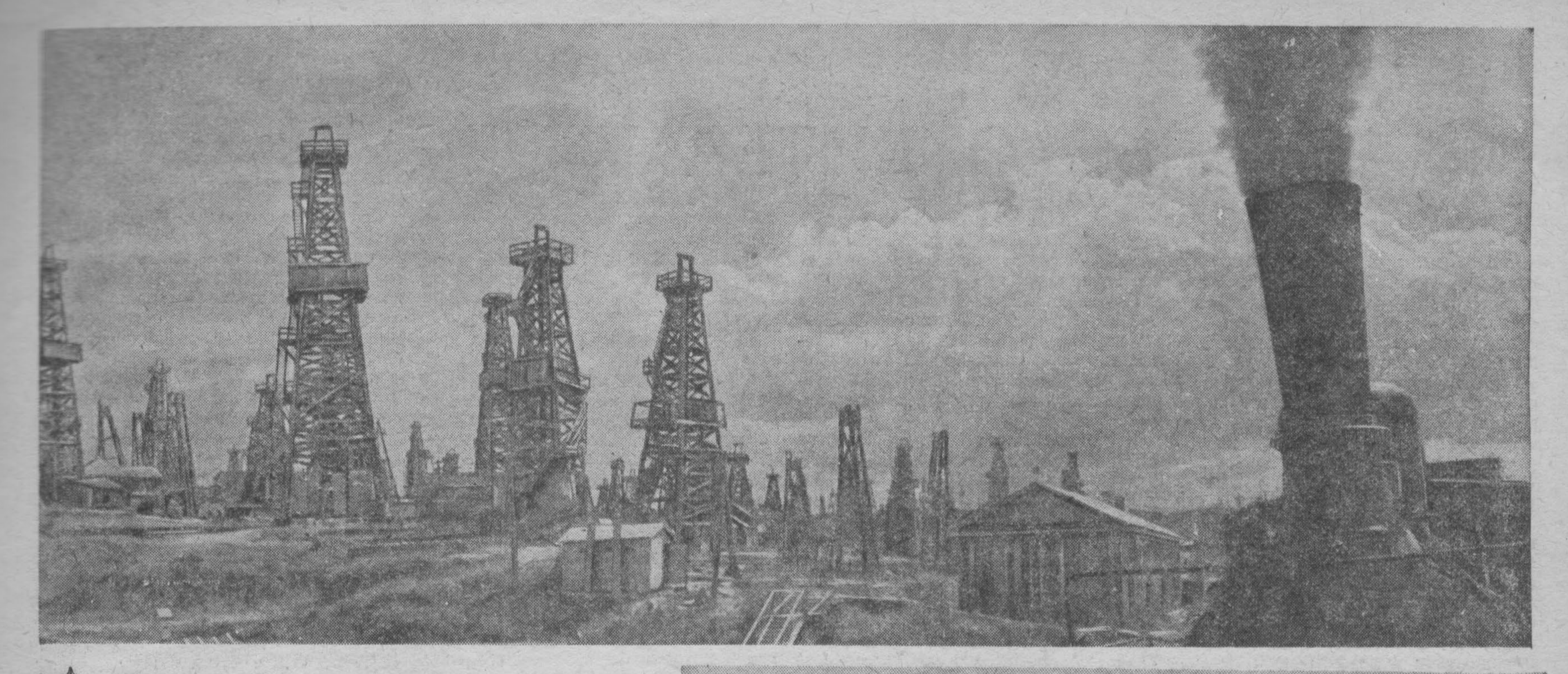
И хотя есть еще не обжитые районы, густая, непроходимая чаща тайги, которая поражает всякого приехавшего впервые на Сахалин своей буйной растительностью и изобилием всевозможных зверей, но рука человека, воля большевика все больше и больше покоряют эти пространства.

←

↑

Существовавшая раньше «теория» о невозможности развития сельского хозяйства на Сахалине опрокинута упорным трудом передовых советских людей. На острове прекрасно родятся пшеница, рожь, различные овощи. Хорошо поставлено молочное хозяйство. Многие колхозники Сахалинской области — участники Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Среди них лучшая доярка молочно-овощного совхоза (город Александровск на Сахалине) М. Андросова.

↑ Ведущее место в экономике Сахалина занимает нефтяная промышленность. В последние годы геологи открыли месторождения нефти почти на всей территории Советского Сахалина. Нефтяники Баку, Грозного и Майкопа добывают нефть на берегах сурового Охотского моря. Лучшие из них награждены правительством орденами и медалями Советского Союза.

→ Бассейны Татарского пролива и Охотского моря богаты ценными породами рыб. Десятки колхозных и государственных рыболовецких промыслов расположены на западном побережье острова.

В капризных водах Татарского пролива в любую погоду ловцы охотятся за белухой (порода китов). Обнаруженное стадо белух окружается громадным, километровым неводом. Запутавшись в неводе, зверь тонет. Отдельные экземпляры белухи весят больше тонны. Их жир используется в различных отраслях промышленности.

↑ Вместе с ростом хозяйства растут сахалинские города и села. Неузнаваемым становится центр Советского Сахалина — город Александровск. Вместо царской каторжной тюрьмы, которая занимала здесь центральное место, сейчас много школ, физико-терапевтический институт, театр, кино и парк культуры и отдыха.

Одно из лучших зданий города — здание сахалинского облисполкома и обкома ВКП(б).

↑ Среди исторических достопримечательностей острова сохранился домик, в котором жил писатель А. П. Чехов, посетивший Сахалин в 1890 году с целью написать книгу о ссыльной колонии и каторге.

↑ Перед нами живой свидетель этого страшного прошлого — политический каторжанин Станислав Павлович Бугайский. Шестнадцатилетним юношей он был привезен на Сахалин.

Внимательно слушают пионеры его рассказ. Они с изумлением рассматривают кандалы, которыми он был скован. Для них, родившихся в счастливой, свободной стране, чудовищным и невероятным кажется рассказ об «Острове слез», который они теперь знают как «Остров сокровищ».

А. Дейч

Ф. ЭНГЕЛЬС О ЛИТЕРАТУРЕ

1

Еще с детства Фридрих Энгельс проявлял огромный интерес к литературе, искусству, музыке и лингвистике. В юношеские годы он писал «многоязычные» письма друзьям. Каждый язык имел для него свою эмоциональную окраску. Испанский он воспринимал, «точно ветер в деревьях»; французский звучал для него, «как быстрое журчание милого ручейка», а голландский—«точно дым табачной трубки, такой приятный и уютный».

Знание многих языков привело Энгельса к расширению его эстетических вкусов, к замечательному чувству поэзии чужих стран и народов.

Энгельс мечтал стать поэтом, но, строгий к себе, он рано подверг критике свое дарование. Горячую привязанность к художественной литературе он сохранил навсегда.

В своих работах Энгельс постоянно — прямо или косвенно — касается вопросов культуры, литературы и искусства, и его суждения в этой области представляют ценнейшие образцы конкретного, научного анализа литературных направлений, творчества отдельных писателей.

2

Первые литературно-критические работы Энгельса относятся к концу тридцатых годов прошлого века. Он выступает как революционный демократ, яростно ненавидящий феодальную монархию с ее произволом помещиков, мелких князьков и чиновников. В современной ему немецкой литературе он ищет произведения, которые призывали бы к уничтожению сословных привилегий и созданию великой, единой, равноправной нации граждан. Он выделяет поэтов-современников — Иммермана, Платена — за то, что они, презрев мечтательность романтической школы, приблизились к политическим стремлениям века. Отмечая прогрессивные стороны творчества этих писателей, Энгельс резко критиковал реакционный романтизм как попытку отвлечь читателя от насущных задач современности и пленить его заоблачными мечтаниями.

Когда вместе с ростом классового сознания немецкой буржуазии в Германии расцвела поэзия мелкобуржуазного социализма, так называемого «истинного социализма», Энгельс выступил с глубоко принципиальными статьями против «немецкого филистера в стихах и прозе». Он показал, что поэты «истинного социализма» воспевают мещанское убожество «бедняка», его благонамеренные и благочестивые желания и мечты. Разумеется, эта жалостливая литература, хныкущая и плачущая по поводу страданий бедняков, не имеет ничего общего с боевой, подлинно социалистической поэзией.

В своих статьях об «истинных социалистах» Энгельс раскрыл мещанскую сущность мировоззрения «истинных социалистов», непонимание ими элементарных проблем общественного развития и показал, что такая поэзия играет наруку немецкой реакции и тормозит развитие массового рабочего движения.

Энгельс дал тщательный разбор стихов «истинных социалистов» и сопоставил их творчество с произведениями подлинно революционных поэтов, например Гейне. Там, где поэт «истинного социализма» успокаивает буржуа родством душ, там Гейне «вызывает в буржуа возмущение своей дерзостью».

Идейный смысл борьбы Энгельса против сентиментально-мещанской поэзии «истинного социализма» заключается в разоблачении этой поэзии, желающей подменить собой подлинно социалистическую, пролетарскую литературу.

В замечательных статьях Энгельс выступает на защиту великана немецкой литературы — Гете — от нападок на него лилипутов — «истинных социалистов». Он показывает, как один из этих филистеров, Грюн, игнорирует в творчестве Гете все прогрессивное и превращает «величайшего немца» в исключительно трусливого обывателя.

Энгельсу принадлежит классическая характеристика двойственности Гете — характеристика, построенная на глубочайшем проникновении в сущность эволюции Гете от бунтарства молодых лет к примирению с тем обществом, которое он раньше так открыто ненавидел.

«Гете был слишком универсален,— пишет Энгельс, — слишком активная натура, слишком плоть, чтобы искать спасения от убожества в шиллеровском бегстве к кантовскому идеалу; он был слишком проницателен, чтобы не видеть, что это бегство в конце концов сводилось к замене плоского убожества высокопарным. Его темперамент, его силы, все его духовное направление толкали его к практической жизни, а практическая жизнь, которая его окружала, была жалка. Перед этой дилеммой — существовать в жизненной среде, которую он должен был презирать, и все же быть прикованным к ней как к единственной, в которой он мог действовать,— перед этой дилеммой Гете находился постоянно, и чем старше он становился, тем все больше отступал могучий поэт, dé guerre lasse[1], перед незначительным веймарским министром».

В постоянной борьбе между гениальным поэтом и веймарским тайным советником Энгельс обнаружил большую трагедию и защитил Гете от мелких уколов и жалких нападок немецких филистеров.

Не раз Энгельс, как и Карл Маркс, решительно становился на сторону великих поэтов и мыслителей прошлого и современности, в то время как жалкие обыватели от литературы старались построить образ этих великих людей по своему подобию и выделить в их жизни и творчестве только мелкое и случайное.

Маркс и Энгельс умели объективно-критически, глубоко научно подходить к великим художникам прошлого. Ни Эсхил, ни Данте, ни Сервантес, ни Шекспир, ни Гете, ни Бальзак не были революционерами в полном смысле этого слова. И, тем не менее, Маркс и Энгельс необычайно высоко ценили их произведения.

Маркса и Энгельса привлекала к названным писателям их способность идти против своих политических предрассудков, к широкому синтетическому охвату действительности — та ценнейшая черта, которая делает из них титанов художественного слова.

В знаменитой переписке Маркса и Энгельса с Лассалем о драме последнего «Франц фон Зикинген» мы находим весьма глубокие высказывания по поводу творческого метода Шекспира[2].

Шекспир был для Энгельса высоким образцом драматурга-реалиста, дающего четкую индивидуализацию героев.

Маркс и Энгельс различают в драматургии два пути: под «шекспиризированием» они разумеют яркое и многообразное изображение героев во всей непосредственной жизненности их нужд и интересов; «шиллеровщина»—превращение героев в простые рупоры времени.

Энгельс признавал и «шекспиризирование» и «шиллеровщину» в известной степени равноценными величинами: «При моем взгляде на драму... за идейным моментом не следует забывать реалистического, за Шиллером — Шекспира».

Энгельс мечтал о таком виде драмы, в котором бы наблюдалось «полное слияние большой идейной глубины, сознательного исторического содержания... с шекспировской живостью и богатством действия».

Другими словами, Энгельс ждал появления драматургов, которые бы страстно воспринимали окружающую их действительность и воплощали бы ее на сцене с большой идейной глубиной. Именно в этом слиянии он видел будущее драмы.

В современной ему драматургии Энгельс не находил возможности достижения такого идеала. Он предсказывал, что это будет, вероятно, достигнуто лишь в будущем и, может быть, вовсе даже не немцами.

3

В высказываниях Энгельса вопросы реалистической литературы занимают огромное место. Он видел в реализме могучий источник для познания действительности. Социалистический роман, с точки зрения Энгельса, «целиком выполняет... свое назначение, правдиво изображая реальные отношения, разрывая господствующие условные иллюзии о природе этих отношений, расшатывая оптимизм буржуазного мира, вселяя сомнение по поводу неизменности основ существующего порядка».

На протяжении всей своей жизни Энгельс интересовался эпохами, которым свойственен расцвет правдивого, реалистического искусства, в художественной форме отображающего общественные отношения. В его работах мы находим меткие характеристики поэтов и художников революционной буржуазии Ренессанса. Время это он характеризует как «величайший прогрессивный переворот, пережитый до того человечеством, эпоха, которая нуждалась в титанах и которая породила титанов по силе мысли, страстности и характеру, по многосторонности и учености. Люди, основавшие современное господство буржуазии, были чем угодно, но только не буржуазно-ограниченными».

Наряду с эпохой Возрождения и ее литературой и искусством Энгельс обращает свое внимание на литературу эпохи буржуазно-демократических революций. Он блестяще характеризует историческую роль французских просветителей XVIII века: «Великие мужи, подготовившие во Франции умы для восприятия грядущей могучей революции, сами выступили в высшей степени революционно. Они не признавали никакого авторитета. Религия, взгляд на природу, государственный строй, общество,—все было подвергнуто беспощадной критике. Все должно было оправдать свое существование перед судилищем разума или же от своего существования отказаться. Мыслящий ум был признан единственным мерилом всех вещей».

Творчество Вольтера, Дидро, Руссо нашло трактовку в научных трудах и переписке Маркса и Энгельса. Высказывания гениальных основоположников научного коммунизма при всей своей краткости дают возможность установить тот критерий, которым они руководствовались.

В оценке творчества Бальзака Энгельс дает образцы метода, которому должен следовать историк литературы, решающий проблемы литературного наследства.

Возьмем, к примеру, анализ творчества Бальзака, данный Энгельсом в письме к английской писательнице восьмидесятых годов Маргарет Гаркнес. Здесь Энгельс сформулировал марксистское понимание реализма: «На мой взгляд реализм подразумевает, кроме правдивости деталей, верность передачи типичных характеров в типичных обстоятельствах».

Именно таким реалистом Энгельс считал Бальзака. Он, как и Маркс, высоко ценил уменье Бальзака дать правдивое изображение реальных отношений. Бальзак достиг большой высоты в изображении борьбы поднимающейся буржуазии с дворянством, и, по мысли Энгельса, пролетарский писатель должен дать с такой же реалистической силой изображение борьбы рабочих с буржуазией.

«Бальзак, — пишет Энгельс, — которого я считаю гораздо более крупным художником-реалистом, чем все Золя прошлого, настоящего и будущего, в своей «Человеческой комедии» дает нам самую замечательную реалистическую историю французского «общества», описывая, в виде хроники, нравы, год за годом, с 1816 до 1848 года, все усиливающийся нажим поднимающейся буржуазии на дворянское общество, которое оправилось после 1815 г. и опять, насколько это было возможно (tant bien que mal), восстановило знамя старой французской политики. Он описывает, как последние остатки этого образцового для него общества постепенно погибли под натиском вульгарного денежного выскочки или были развращены им; как grande dame[3], супружеские измены которой были лишь способом отстоять себя, вполне отвечавшим тому положению, которое ей было отведено в браке, уступила место буржуазной женщине, которая приобретает мужа для денег или нарядов; вокруг этой центральной картины он группирует всю историю французского общества, из которой я узнал даже в смысле экономических деталей больше (например, перераспределение реальной и личной собственности после революции), чем из книг всех профессиональных историков, экономистов, статистиков этого периода, взятых вместе».

Точно так же Маркс высоко ценил писателей-реалистов за то, что они правдиво и смело раскрывали внутренние противоречия капиталистического общества и этим оказывали услугу революционному движению. Поэтому-то Маркс подчеркивал, что «современная блестящая школа романистов в Англии, наглядные и красноречивые описания которой разоблачили миру больше политических и социальных истин, чем это сделали все политики, публицисты и моралисты, вместе взятые, изобразила все слои буржуазии, начиная «достопочтенным» рантье и обладателем госу-

[1] Утомленный войной.

[2] См. Маркс и Энгельс «Об искусстве», стр. 171—210.

[3] Великосветская дама.

дарственных процентных бумаг, который сверху вниз смотрит на все виды «дела» как на нечто вульгарное, и кончая мелким лавочником и подручным адвокатом».

Энгельс поставил со всей остротой вопрос о мировоззрении и художественном творчестве Бальзака. Он отмечал, что по политическим взглядам великий французский романист был легитимистом, приверженцем королевской власти, что он выражал симпатии дворянству, осужденному на вымирание. Но при этом он с горькой иронией относился к поступкам аристократов, а единственные люди, о которых он говорил с нескрываемым восхищением, были республиканские герои, действительные представители народных масс: «То, что Бальзак был принужден итти против своих собственных классовых симпатий и политических предрассудков, то, что он видел неизбежность падения своих излюбленных аристократов и описывал их как людей, не заслуживающих лучшей участи, и то, что он **в и д е л** настоящих людей будущего там, где в это время их только можно было найти, это я считаю одной из величайших побед реализма, одной из величайших особенностей старика Бальзака».

4

Интересы Энгельса к литературе были крепко связаны с его политическими интересами, с его революционным мировоззрением. Энгельс уделял огромное внимание литературе рабочего класса, социалистической литературе.

В известном письме к писательнице Минне Каутской Энгельс поставил вопрос о тенденции в литературе.

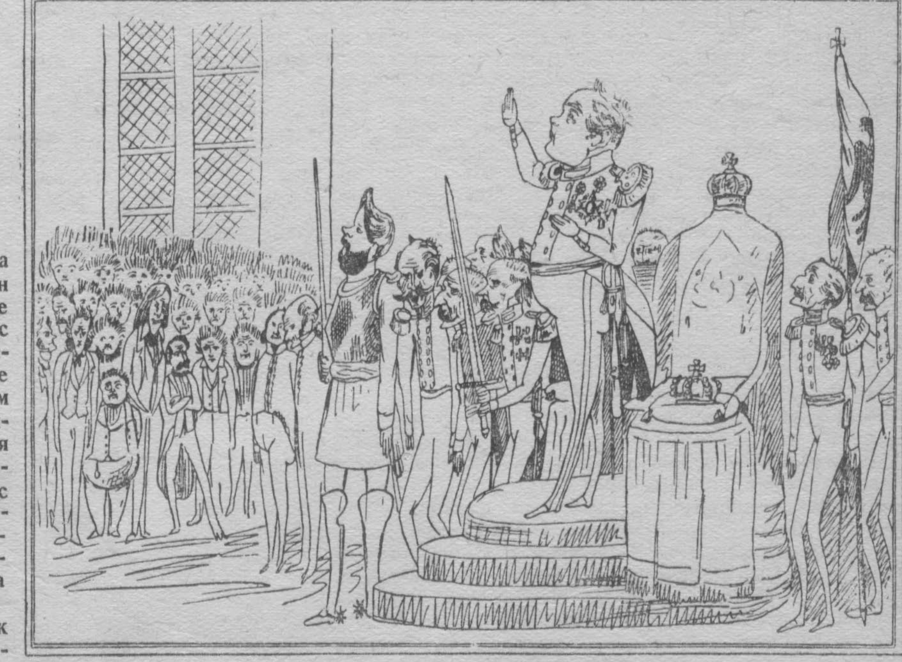
Широко понимая термин «тенденциозный», Энгельс причислял к тенденциозным поэтам Эсхила и Аристофана, Сервантеса и Шиллера как автора «Коварства и любви». Он указал также, что современные русские и норвежские писатели все сплошь тенденциозны (письмо относится к ноябрю 1885 года).

Здесь тенденция заключается в том, что художники слова старались при помощи образов пропагандировать определенные идеи.

Весь вопрос в том, **к а к** пропагандировать эти идеи. Должен ли социалистический, «тенденциозный» роман быть глубоко субъективным, раскрывающим позицию автора?

Энгельс отвечает отрицательно на этот вопрос: «Чем больше скрыты взгляды автора, тем это лучше для произведения искусства» (письмо к Гаркнес). Тенденция, по Энгельсу, должна вытекать из самой ситуации и действия, на нее не нужно специально указывать. Писатель не обязан подносить читателю в готовом виде будущее историческое разрешение изображаемых им общественных конфликтов.

Это значит, что тенденция должна вытекать из самого действия, а не быть навязанной читателю писателем при помощи субъективного проповедничества.

Круг интересов Фридриха Энгельса был весьма обширен и разнообразен. Разносторонне одаренный человек, Ф. Энгельс увлекался литературой, музыкой, пением. Но он был не только блестящим знатоком древней и современной ему литературы — он и сам старался испробовать свои силы в поэзии — писал стихи. Наряду с перечисленными видами искусства Энгельс увлекался рисованием и хорошо рисовал. Мы помещаем два рисунка Фридриха Энгельса.

Вверху: карикатура на «кружок свободных». Справа: карикатура «Речь Фридриха-Вильгельма IV на открытии прусского ландтага».

Энгельс, как и Маркс, являлся сторонником большого реалистического искусства, дающего широкий охват действительности, правдиво изображающего различные типы и характеры. Роль мировоззрения в литературе для Энгельса исключительно велика. Именно мировоззрение писателя дает всем образам и ситуациям определенную направленность.

Поэтому Маркс и Энгельс вели решительную борьбу с течениями в искусстве, которые оказывали вредное или реакционное влияние на современное общество. Отсюда вытекают острые нападки Энгельса на консервативный романтизм, на поэзию «истинного социализма», на мнимосоциальный роман, вроде популярного произведения Эжена Сю «Парижские тайны», подробно разобранного Марксом и Энгельсом в одном из их крупнейших трудов — в «Святом семействе».

В воспитании революционных поэтов сороковых годов: Гейне, Гервега, Фрейлиграта и других — Энгельс сыграл исключительно важную роль. Он высоко ценил творчество боевых революционных поэтов, что не мешало ему наравне с Марксом жестоко осуждать тех из поэтов, которые совершали политические ошибки. Из статей и переписки Маркса и Энгельса мы можем судить о том, как чутко и бережно относились основоположники марксизма к художественному творчеству и отдельным его представителям.

Энгельс не занимался критикой в узком смысле слова. Он занимался вопросами общей эстетики, общефилософскими вопросами, смело заглядывая в будущее и рассматривая роль литературы и искусства в грядущем коммунистическом обществе.

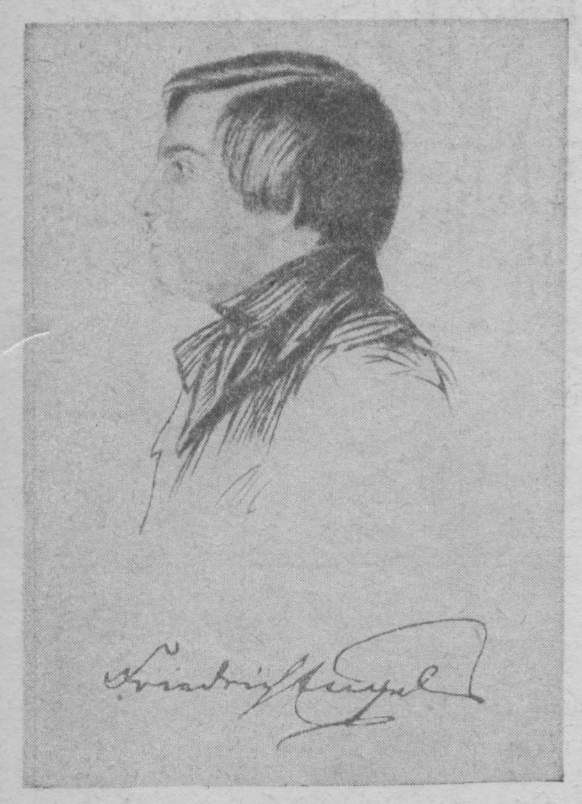
Огромная эрудиция Энгельса, глубочайшее знание мировой литературы от древних веков и до его дней помогали ему широко пользоваться образами и идеями, взятыми из поэзии всех времен и народов. Греческие, латинские, немецкие, английские и французские, скандинавские, русские поэты и мыслители давали Энгельсу обильный материал для всестороннего материалистического понимания роли литературы и искусства в классовом обществе, для материалистического толкования истории культуры.

Богатое наследие классиков научного социализма должно быть предметом изучения не только советских специалистов, но и широких масс, стремящихся к всестороннему овладению революционным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина.

ФРИДРИХ ЭНГЕЛЬС

28 ноября 1820 года в городе Бармене, Рейнской провинции Пруссии, в семье богатого купца и фабриканта родился Фридрих Энгельс. Когда Энгельсу исполнилось семнадцать лет, отец отдал его на работу в контору одной торговой фирмы. Энгельс очень хотел учиться, мечтал посвятить себя литературно-научной деятельности, однако ему пришлось покориться воле отца и заняться «собачьей коммерцией».

Изнуряющая работа в конторе, ничего не дающая ни уму, ни сердцу, не могла сломить стремления молодого Энгельса к знаниям. Он учился упорно и настойчиво. Уже в молодости он очень хорошо знал германскую и мировую литературу, был знатоком древней и современной

Фридрих Энгельс. 1839 год.

Рисунок неизвестного художника.

ему поэзии, сам писал стихи. Но не только литературой увлекался Энгельс: круг интересов его был очень разнообразен. Он любил музыку, пение, особенно народные песни, хорошо рисовал. Это был веселый, полный энергии и энтузиазма молодой человек, ездил верхом, плавал, ежедневно занимался гимнастикой, прекрасно фехтовал. Энгельс любил путешествовать и как-то в молодости прошел пешком из Парижа в Швейцарию. Страстная любовь к природе и потребность заниматься гимнастикой сохранились у Энгельса всю жизнь: уже на склоне лет он совершил путешествие по городам Норвегии.

Энгельс в совершенстве владел многими европейскими языками. Своей сестре он писал, что знает 24 языка.

Совсем молодым Фридрих Энгельс почувствовал громадную социальную несправедливость, которая присуща капиталистическому обществу, и стал защитником интересов трудящихся, пламенным и сознательным борцом за свободу. Его знаменитые «Письма из Вупперталя» раскрывают ужасную картину страшной нищеты низших классов и тяжелые условия их труда.

Еще до военной службы Энгельс познакомился с произведениями знаменитого немецкого философа Гегеля. Его пленило основное положение гегелевской философии — мысль о вечном процессе развития. Гегель все явления природы и общественной жизни видел не в застывшем, мертвом виде, а в движении, развитии. Следовательно, Гегель рассматривал их диалектически. Диалектику — эту революционную силу гегелевского философского учения — и сумел разглядеть и оценить Энгельс. Эта же сторона учения пленила и молодого Маркса.

Но, конечно, они принимали далеко не все учение Гегеля. «Маркс и Энгельс, удержав мысль Гегеля о вечном процессе развития,— пишет Ленин,— отбросили предвзятое идеалистическое воззрение; обратившись к жизни, они увидели, что не развитие духа объясняет развитие природы, а наоборот — дух следует объяснить из природы, материи... В противоположность Гегелю и другим гегелианцам, Маркс и Энгельс были материалистами» (Соч. Т. I, стр. 411).

В 1841 году Энгельс покидает родину и уезжает в Берлин на военную службу. Здесь он посещает лекции в Берлинском университете в качестве вольнослушателя.

В середине 30-х годов прошлого века последователи Гегеля разделились на правых и левых. Правые отстаивали реакционные стороны гегелевской философии, защищали прусскую крепостническую монархию, делали из учения Гегеля реакционные выводы. Левые, пользуясь диалектикой Гегеля, выступали смело и выдвигали революционные идеи для борьбы с существующим строем и религией.

Правительство Пруссии испугалось широкого распространения идей левых гегельянцев, которые делали из учения Гегеля смелые революционные выводы. Из Мюнхена в Берлин был приглашен философ Шеллинг, который, по меткому выражению Фридриха Энгельса, должен был «убить ужасного дракона гегельянства». Шеллинг повел борьбу с младогегельянцами — радикально настроенными учениками Гегеля.

В своих произведениях «Шеллинг о Гегеле», «Шеллинг и откровение» и «Шеллинг — во Христе» Энгельс беспощадно, с изумительным остроумием и блеском раскритиковал шеллингианскую философию.

После окончания военной службы, осенью 1842 года, Фридрих Энгельс покидает родину и уезжает в Англию, в промышленный город Манчестер. Здесь он поступает на службу в фабричную контору.

В Манчестере Энгельс изучает положение рабочего класса Англии: ходит по квартирам рабочих, знакомится с их жизнью, условиями труда, прочитывает горы книг и официальных документов о положении английского рабочего класса. В 1845 году в Лейпциге вышла книга Фридриха Энгельса «Положение рабочего класса в Англии».

Вот уже 95 лет живет эта книга. Она переиздавалась десятки раз на многие языки мира и служит для борющегося пролетариата революционным наставлением. Энгельс написал эту книгу, когда ему было 24 года.

Фридрих Энгельс.

Фотография сороковых годов.

Дом в Бармене, где родился Ф. Энгельс.

Осенью 1844 года Фридрих Энгельс возвращался к себе на родину. Проездом он остановился в Париже и встретился с Карлом Марксом, с которым до этого у него была оживленная переписка. Они провели вместе 10 дней. Эти дни послужили началом пламенной дружбы Маркса и Энгельса. Их отношения «превосходят все самые трогательные сказания древних о человеческой дружбе»,— писал Ленин.

Здесь, в Париже, они пишут первую свою совместную работу — «Святое семейство или критика критической критики». В этой книге, направленной против братьев Бауэров и их последователей, Маркс и Энгельс уничтожающе критикуют идеалистическую философию Гегеля. В этом труде они положили начало разработке диалектического материализма, показали, что только материалистическая диалектика может служить оружием пролетарских революционеров в борьбе с буржуазным миром.

Начиная с этой встречи Маркс и Энгельс работали все время вместе. С 1845 по 1847 год Энгельс жил то в Брюсселе, то в Париже. Он вел большую научную работу, выступал с докладами и беседами на рабочих собраниях.

В 1847 году Маркс и Энгельс создали «Союз коммунистов» — первую боевую коммунистическую организацию. Энгельс написал для «Союза коммунистов» набросок программы, который назывался «Принципы коммунизма». Этот документ лег в основу знаменитого «Манифеста Коммунистической партии» Маркса и Энгельса, напечатанного в 1848 году.

«Эта небольшая книжечка,— писал Ленин,— стоит целых томов: духом ее живет и движется до сих пор весь организованный и борющийся пролетариат цивилизованного мира». В «Манифесте» впервые выражена главная идея марксизма—идея диктатуры пролетариата.

В одном из своих выступлений товарищ Сталин назвал «Манифест Коммунистической партии» «песнью песней марксизма».

В 1848 году в Германии вспыхнула революция. Маркс и Энгельс выехали к себе на родину и начали издавать «Новую Рейнскую газету», которую Ленин в 1914 году называл «лучшим, непревзойденным органом революционного пролетариата». Друзья разрабатывали для пролетариата стратегию и тактику борьбы и сами принимали активное участие в революции. Маркс работал редактором газеты, Энгельс в ней сотрудничал.

Весной 1849 года Энгельс принял участие в вооруженном народном восстании в Эльберфельде. Но мелкобуржуазные представители, заседавшие в эльберфельдском «комитете безопасности», испугались решительных революционных действий, предлагаемых Энгельсом, отклонили их и предложили ему покинуть Эльберфельд.

19 июня Энгельс поступает добровольцем в повстанческий отряд Виллиха в качестве его адъютанта. Здесь Энгельс проявил себя не только как способный стратег, но и как храбрый солдат-революционер. Элеонора Маркс писала, что «об его исключительном хладнокровии, об абсолютном презрении ко всякой опасности говорили еще долго потом все, кто видел его в бою».

Несмотря на героические сражения повстанческих войск, возглавляемых Виллихом, восстание было подавлено, германская революция потерпела поражение. 12 июля 1849 года отряд Виллиха и Энгельса последним покинул границу и вступил в Швейцарию.

Гонимые и преследуемые буржуазными правительствами почти всех европейских стран, Маркс, а затем и Энгельс поселились в Лондоне.

Здесь Энгельс проявил большую активность не только как публицист и пропагандист, но и как организатор и агитатор.

Через год друзья снова расстались. Ради Маркса Энгельс ушел в торговую контору своего отца в Манчестере. Это было нужно для того, чтобы помогать своему другу.

«Условия эмигрантской жизни, особенно наглядно вскрытые перепиской Маркса с Энгельсом (изд. в 1913 г.), были крайне тяжелы. Нужда прямо душила Маркса и его семью; не будь постоянной самоотверженной финансовой поддержки Энгельса, Маркс не только не мог бы кончить «Капитал», но и неминуемо погиб бы под гнетом нищеты»,— писал Ленин.

В течение 20 лет Энгельс и Маркс вынуждены были жить в разных городах, но невзирая на это их прекрасная дружба крепла. Они находились в постоянном общении и сотрудничестве друг с другом, почти ежедневно переписывались, но встречались редко.

После отъезда Энгельса Маркс приступил к осуществлению своей заветной мечты: начал работать над «Капиталом». Он часто обращался за помощью к своему другу, и Энгельс акуратно отвечал на его вопросы. Часть разъяснений и ответов Энгельса Маркс включил в «Капитал».

Начав свою работу в 1850 году, Маркс окончил I том «Капитала» только 17 лет спустя. В ночь на 16 августа 1867 года, дочитав корректуру I тома своего гениального труда и поставив подпись, Маркс написал Энгельсу:

Первая большая первомайская демонстрация лондонских рабочих. 1892 год. Третий слева — Фр. Энгельс.

Фридрих Энгельс. 1879 год.

«..Итак, этот том готов. Только тебе обязан я тем, что это стало возможным! Без твоего самопожертвования для меня я ни за что не мог бы проделать всю огромную работу для трех томов. Обнимаю тебя полный благодарности!.. Привет, мой дорогой, верный друг!»

В сентябре 1867 года вышел в свет I том «Капитала».

В тяжелые минуты жизненных испытаний Маркс и Энгельс всегда приходили на помощь друг другу.

Это была великая дружба. Радость одного была радостью для другого, горе одного — горем для другого.

Как-то Энгельс заболел и написал об этом Марксу в Лондон. Маркс страшно взволновался. Вся семья проявляла заботу о больном Энгельсе. Маркс, так перегруженный работой над «Капиталом» и удрученный материальными заботами, отложил все в сторону и начал изучать медицинские книги. Он прочел все, что можно было прочесть о болезни, которая свалила Энгельса. В каждом письме, посылаемом другу в Манчестер, Маркс писал, как лечиться. Рецепты Маркса помогли — Энгельс выздоровел.

«Генерал» — так называли Энгельса в семье Маркса и в кругу друзей. Это название привилось сразу же после того, когда старшая дочь Маркса, Женни, назвала Энгельса генералом. Действительно, Энгельс был выдающимся знатоком военного дела.

В 1869 году Энгельс решил покончить с «собачьей коммерцией» и переехать в Лондон. Его всегда тяготила работа в торговом предприятии. Однако Энгельс никогда не жаловался на свою судьбу. «Напротив,— пишет в своих воспоминаниях Элеонора,— он делал свою работу так весело и спокойно, как будто ничего лучшего на свете не могло быть, как ходить на службу и сидеть в конторе.

Но я гостила в Манчестере у Энгельса, когда подходила к концу эта каторжная работа, и здесь я поняла, что означали для него все эти годы. Я никогда не забуду того ликующего возгласа «В последний раз!», когда он утром натягивал свои сапоги, чтобы в последний раз проделать путь до конторы».

В 1869 году Энгельс покинул Манчестер и переехал в Лондон, где поселился недалеко от дома Маркса.

В Лондоне Фридрих Энгельс серьезно занялся естествознанием. Он выступал со статьями против немецкого философа Дюринга — отъявленного врага марксизма. Собрав эти статьи, Энгельс в 1878 году издал их отдельной книгой, которую назвал «Анти-Дюринг». Это — одно из важнейших теоретических произведений научного коммунизма.

В составлении этой книги принял участие и Маркс, он просмотрел рукопись и сам написал целую главу, посвященную политической экономии. В «Анти-Дюринге», по словам Ленина, «разработаны величайшие вопросы из области философии, естествознания и общественных наук».

14 марта 1883 года Маркс умер, не успев закончить свой великий труд «Капитал».

Энгельс продолжал работу Маркса над II и III томами «Капитала».

Когда Энгельс взялся за II том, ему было 63 года. Нужно было торопиться. Он все время беспокоился, что не успеет подготовить к печати оставшиеся томы «Капитала».

Двенадцать лет прожил Энгельс после смерти своего друга, и все эти годы он работал над «Капиталом», «...изданием II-го и III-го томов «Капитала» Энгельс соорудил своему гениальному другу величественный памятник, на котором невольно неизгладимыми чертами вырезал свое собственное имя. Действительно, эти два тома «Капитала» — труд двоих: Маркса и Энгельса»,— писал Ленин.

Их сближала не только умственная работа, но и взаимная нежная привязанность, неподкупная, дружеская любовь. «Каждый из них всегда думал о том, как бы чем-нибудь порадовать друга, каждый из них всегда гордился другим»,— так писал Поль Лафарг.

«После смерти Маркса,— указывает Ленин,— Энгельс один продолжал быть советником и руководителем европейских социалистов».

Энгельс прожил 75 лет. 5 августа 1895 года он умер. «Энгельс завещал развеять после его смерти его пепел в открытом море,— вспоминает Фридрих Лесснер.— Воля Энгельса была выполнена 27 августа Элеонорой Маркс, доктором Э. Эвелингом, Э. Бернштейном и мною. Мы отправились в Истберн, излюбленное место летнего отдыха Энгельса. Там мы наняли лодку с двумя гребцами и отвезли урну с прахом нашего незабвенного друга примерно на расстояние в две английские мили от берега. Невозможно передать на бумаге те чувства, которые вызвала во мне эта поездка...»

Сорок пять лет тому назад не стало Фридриха Энгельса — великого друга Карла Маркса, одного из основоположников научного коммунизма, друга и учителя угнетенных всего мира. Память о нем будет вечно жить в сердцах трудящихся.

Фридрих Энгельс. 1893 год.

И. Гринберг, И. Мишель

ЦЕХ БУДУЩЕГО

...Низкий звук сирены заставил оператора оглянуться. В самом конце пролета на светофоре зажглась яркозеленая цифра. Копировально-фрезерный автомат № 3 вызывал оператора: через минуту операция на станке будет закончена.

Когда оператор подошел к автомату, из медной трубы пневматической почты выпал свернутый лист плотной бумаги. Оператор развернул его. Это был чертеж нового сложного штампа.

На ослепительно белом ватмане четко выделялись черные, обведенные тушью линии замысловатого контура.

Не менее странным было поведение рабочего. Бросив на чертеж лишь беглый взгляд, он раскрыл черную коробку, возвышавшуюся над станком, выдвинул кассету, снял с нее другой, такой же бело-черный чертеж и заменил его новым, только что полученным.

Быстро сменив на рабочем столе готовое изделие гладкой стальной плитой — заготовкой, — оператор нажал кнопку на пульте управления. Через раскрытую дверцу черной коробки можно было увидеть, как на белом поле чертежа возникла яркая точка — световой зайчик. Зайчик быстро побежал по белому полю вверх, к черной линии чертежа, но, дойдя до черты, сразу замедлил свой бег и степенно стал передвигаться по самому краю черного извилистого контура. Казалось, будто зайчику теперь приходится преодолевать огромное сопротивление. И, действительно, где-то внизу возник приглушенный металлический скрежет: это стал вгрызаться в металл многозубый инструмент — фреза. Быстро вращаясь, она вырезала в стали глубокую извилистую дорожку. Фреза точно повторяла в металле путь зайчика...

...Оператор продолжает свой обход. Вот его внимание привлек более темный, чем обычно, цвет стружки, короткими завитками выползающей из-под резца. В круглом стальном валике резец вытачивает нечто похожее на фигурную ножку старинного кресла.

Оператор чуть усилил молочнобелую струю охладительной эмульсии и заглянул за вращающийся валик. Все в порядке: брызги эмульсии не долетают до стеклянной пластинки, где по волнистому краю темного шаблона передвигается световой зайчик.

Словно ныряя и всплывая на поверхность волны, зайчик бегает по краю шаблона, и, подражая ему, то отступает от стального валика, то приближается к нему острая грань резца.

...В этом необычном цехе большими сложными машинами управляет крошечный световой зайчик. Но и сам зайчик не волен в своих движениях: он должен строго придерживаться линии чертежа. За этим неотступно следит бдительный глаз станка — фотоэлемент.

Это он заставляет световой зайчик двигаться точно по черному контуру чертежа и «вести» за собой многозубую фрезу. Фотоэлемент и есть тот невидимый токарь, тот искусный фрезеровщик, который с безукоризненной точностью работает на этих станках.

Мы с вами находимся в пролете «читающих» и «видящих» машин — в пролете фотоэлектрических станков.

Фотоэлемент обладает замечательным свойством: он превращает световую энергию в электрическую. Луч света возбуждает в фотоэлементе электрические токи — фототоки. Правда, фототоки очень слабы, но, пройдя через усилительную лампу, они уже в состоянии притянуть якорь электромагнита и замкнуть контакт. А это — все, что нужно.

...Работа на фотоэлектрическом копировальном фрезерном автомате подходит к концу. Фрезе осталось прорезать в заготовке последнее «колено». Черная линия чертежа в последний раз круто загибается вверх. Зайчик пытается продолжить свой путь по прямой. Вот он начинает медленно сползать на белое поле, но это сейчас же замечает фотоэлемент. Сам зайчик выдал себя с головой: световые лучи, которые раньше поглощались черной линией, теперь, попав на белое поле, отразились от него и возбудили в фотоэлементе более сильные фототоки. Замыкается контакт, вступает в действие соответствующий механизм, и световой зайчик немедленно водворяется на положенное ему место — на край черной линии.

...В этом необычном цехе есть и такие станки, которые даже в чертежах не нуждаются. Эти станки сами «видят» то, что им нужно делать.

Вот фотоэлектрический шабровочный станок. Шабровка устраняет еле уловимые шероховатости, остающиеся на поверхности изделия после механической обработки. Снятая со станка блестящая стальная плита кажется идеально гладкой. Но вот по ней провели черной краской, и сразу стало видно, что по всей плите разбросано огромное количество темных «островков».

Зайчик непрерывно скользит по плите в поисках черного островка. На светлых, не покрытых краской участках (там, где имеются углубления) световые лучи отражаются от поверхности и возбуждают в фотоэлементе электрические токи, достаточно сильные, чтобы удержать (при помощи электромагнита) строгальный резец в поднятом положении. Резец проносится мимо, не задевая металла.

Но стоит лишь зайчику наткнуться на темный островок, как тотчас же световые лучи увязают в черной краске. В фотоэлементе немедленно исчезают фототоки, электромагнит уже не в состоянии удержать резец, и тот, врезавшись в сталь, мгновенно сносит темный бугорок.

...Мы идем дальше по пролету. Среди фрезерных, токарных, строгальных, шлифовальных станков мы вдруг наталкиваемся на лакированный металлический шкаф с решотчатыми дверцами. Он сильно напоминает радиопередатчик. И действительно, за решоткой шкафа мерцают огромные генераторные радиолампы. В этом цехе мы так привыкли ко всевозможным чудесам, что принимаем их как должное. Мы узнаем, что эти радиолампы генерируют токи высокой частоты — настоящие радиоволны, — но что эти радиоволны направляются не в эфир, а служат для поверхностной закалки стальных изделий. Токи высокой частоты поступают через короткие кабели в большое медное кольцо. Из питателя в кольцо попадает стальная деталь. Секундная задержка — и на наших глазах сталь начинает светлеть. Вот она уже раскалилась докрасна. Красный накал быстро сменяется ослепительно белым. Кажется, что вот-вот металл начнет плавиться. Но раздается сухой щелчок контактора — деталь быстро выталкивается из кольца. Не успела она потемнеть, как в кольцо попала другая деталь. Проходит секунда—и вновь в критический момент деталь выталкивается из кольца индуктора.

И здесь, как вы уже догадались, не обошлось без вмешательства фотоэлемента. По мере того как накал попавшего в кольцо индуктора детали становится все более ярким, в фотоэлементе возникают все более сильные токи. И вот когда сила тока достигает установленного предела, замыкается контакт — и тотчас же приходит в действие механизм выталкивателя.

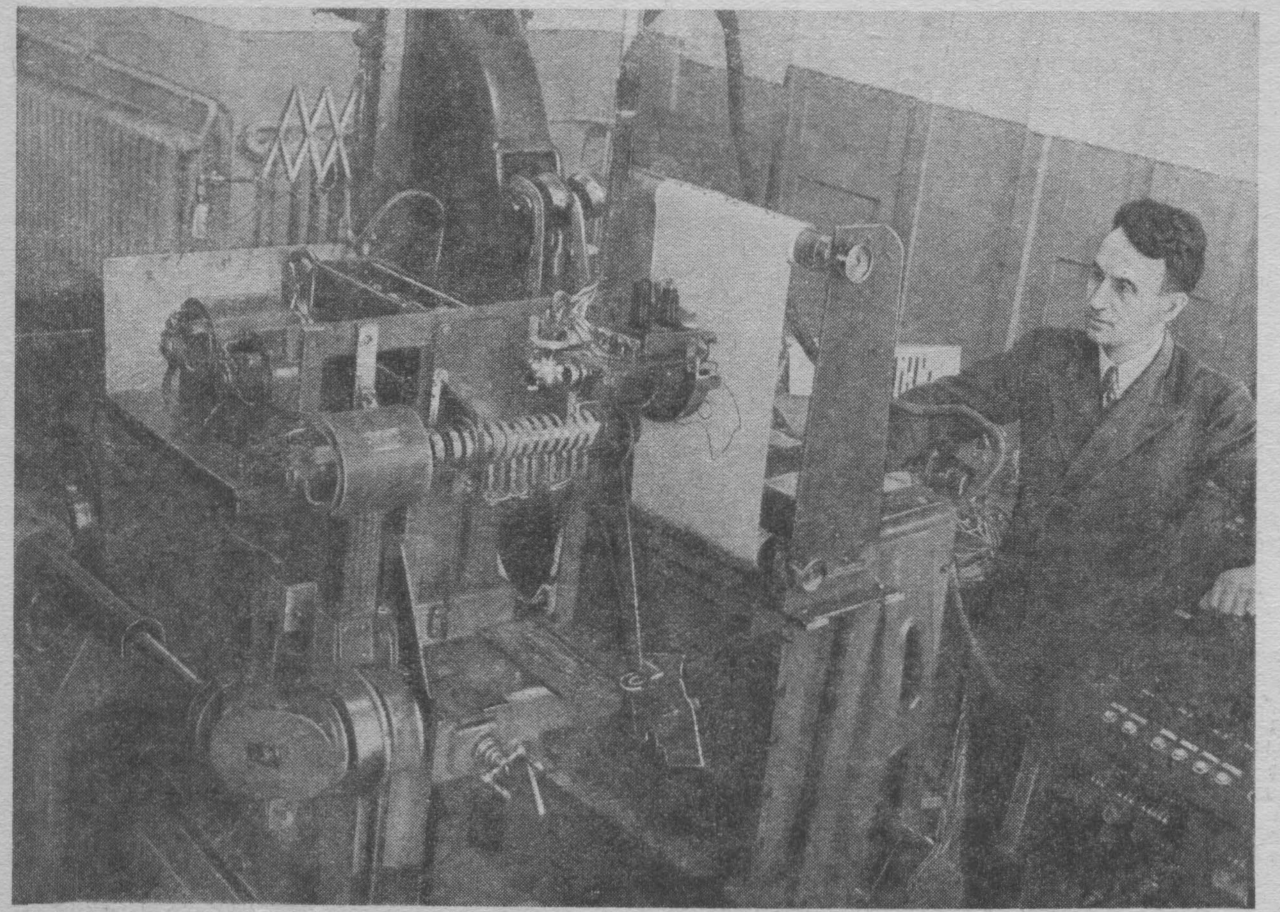
Цех будущего—не фантазия. В нашем рассказе нет ничего вымышленного, нет ничего такого, что не существовало бы у нас в Советском Союзе. Мы позволили себе лишь перенести кое-что из лабораторных стен в цех.

Копировально-фрезерный автомат, изобретенный молодым советским инженером Виктором Семеновичем Вихманом, работает в Центральной научно-исследовательской лаборатории фотоэлектронной автоматики станков.

Фотоэлектрический токарный станок тов. Баскакова, действующую модель шабровочного станка тов. Струтинского можно увидеть в Центральном доме техники Наркомсредмаша. Там же демонстрируется разработанный тт. Сизовым и Иваненко фотоэлектрический терморегулятор, установленный на сварочном аппарате. Совсем недавно тов. Сизов приспособил фотоэлемент к механизму автоматической подачи изделий в высокочастотную закалочную установку.

На автозаводе имени КИМ до последнего времени момент подачи нагретой заготовки клапана в высадочный пресс определяли наглазок, по яркости накала. Теперь процессом нагрева управляет электрический глаз. Возможность перегрева чувствительной стали исключена.

Советский инженер Вихман изобрел первый в мире «зрячий» станок. Десятки инженеров-изобретателей упорно работают над внедрением фотоэлектронной автоматики в производство. Их всех вдохновляет мысль, что в стране победившего социализма человек — не раб машины, а ее властелин.

Инженер В. С. Вихман у изобретенного им фотоэлектрического металлообрабатывающего станка-автомата.

Фото Эм. Браиловского

Е. Герасимов

Сапоги и самовар

Рассказ

Иллюстрации худ. Мих. Милославского

А не рассказывали вам, как я у командира Таращанского полка батька Боженко пил чай из самого большого самовара? Ну так это же интереснейшая история! Это случилось еще тогда, когда меня звали просто «Эй, Шлемка!» и я был самый настоящий частник, то есть обыкновенный извозчик. Выпадет счастье — раз в неделю отвезешь кого-нибудь со станции в местечко, а кушать — ведь это сплошной ужас! — хочется чуть ли не каждый час. Вот вам и частник! А вы, может, подумали уже... Так лучше не думайте, честное слово, это же смешно.

Надо было видеть вам мою кобылу! Меня спрашивают:

— Ну, почему ты, Шлемка, не кормишь свою клячу? Нам надоело слушать, как стучат ее кости.

— Это еще, — говорю я, — хорошо, что они стучат, а вот когда они рассыпятся, мне будет, уверяю вас, гораздо хуже.

Здесь многие меня понимают. Вы же представляете себе наше местечко в старое время: один извозчик — это я, а остальные все мужчины — сапожники. Каждый имел собственную вывеску, но это еще совсем не значит, что он имел заказчиков. Кто же будет заказчиком, если все сапожники! Вы простите меня: я немножко уклонился в сторону. Теперь я должен задать вам один вопрос: знаете ли вы, что такое за счастье Петлюра? Или какой-нибудь атаман Ангел? Когда такой ангел спустится на землю, у людей волосы дыбом встают! Я говорю моей жене: «Ты помнишь этот кошмар?» — и она уже начинает дрожать.

У нас здесь было при Петлюре так: если желаешь еще капельку жить, боже тебя упаси, не выходи на улицу, прыгай в какую-нибудь яму.

Хорошо, у меня на дворе оказался старый, высохший и заросший бурьяном колодец. Это, я вам скажу, такая яма, что когда сидишь в ней, небо кажется с овчинку. Я просидел в ней со всем моим семейством целую ночь. Мы видели только одну звезду и ничего больше, но, извиняюсь, мы вспоминали бога.

Зачем вам рассказывать, что такое погром! У Петлюры было понятие: если красные наступают, значит, мы виноваты — хватай нас за горло, бей, ломай все. Я слышу, как звенят стекла в моем доме, смотрю на звезду и спрашиваю себя:

— Шлемка, ты веришь в бога?

Утром является бог:

— Все живы?

Подымаю голову вверх и вижу: мой сосед, рыжий сапожник Хейфец, смотрит в колодец и смеется.

Я говорю:

— Чего ты, Хейфец, смеешься над нами? Мы же чуть тепленькие.

Он отвечает:

— А отчего вы еще сидите в колодце? Ведь петлюровцев уже нет: батько Боженко со своим Таращанским полком дал им отличный бой, и в местечке советская власть.

Я всплеснул руками и кричу:

— Тащи, Хейфец, лестницу, мы сейчас же вылезаем.

А Хейфец все смотрит сверху вниз и смеется.

— А как же ты, Шлемка, со всем своим семейством залез в такую глубокую яму? Неужели ты прыгал? Ты же мог окончательно поломать себе ноги.

На это я ему ответил:

— Если люди думают о голове, то они, наверное, не думают о ногах.

Хейфец качает головой:

— Ой, это, Шлемка, совсем неверно: можно думать и о голове и о ногах.

— Кто мне докажет? Не ты ли, Хейфец? — спрашиваю его.

— Зачем, — говорит, — я буду тратить на это время, если я должен сейчас же садиться за работу и шить сапоги?

Я чуть не выскочил из колодца:

— Ты, Хейфец, имеешь заказ на сапоги? Откуда же явился у нас в местечке заказчик?

На мой вопрос Хейфец отвечает вопросом:

— А откуда явилась советская власть?

Я ему говорю:

— Хейфец, ты же не бог! Зачем же ты стоишь наверху и издеваешься надо мной? При чем тут советская власть?!

Хейфец тычет себя пальцем в грудь.

— Мой заказчик, — говорит он, — советская власть.

Я уже кое-что начинаю понимать.

— А почем, — спрашиваю, — советская власть платит за пару сапог?

Хейфец опять качает головой:

— Ты, Шлемка, теперь уже думаешь только о ногах, а про голову начинаешь забывать.

Я все-таки его отказываюсь понять. Тогда он тащит лестницу, спускает ее в яму и говорит:

— Ну, вылезай же на свежий воздух, проветри свои мозги и посмотри, что осталось от твоего добра.

Я вылезаю из ямы и вижу: осталась одна моя кляча, которая ходит как ни в чем не бывало и стучит своими костями по глиняным черепкам.

— Что ты скажешь? — спрашивает Хейфец.

— Я скажу, что мне еще надо благодарить бога.

— Ты лучше благодари советскую власть, — говорит Хейфец, — и подумай немножко о других местечках, где еще нет советской власти. Ты не успел вылезти из ямы и уже хочешь торговаться.

Я рассмеялся:

— Он меня уверяет, что вопрос о цене его вовсе не интересует.

— Меня интересует, — говорит Хейфец, — вопрос совсем другого рода.

— Какого же другого?

И что я слышу!

— Можно ли воевать босиком?

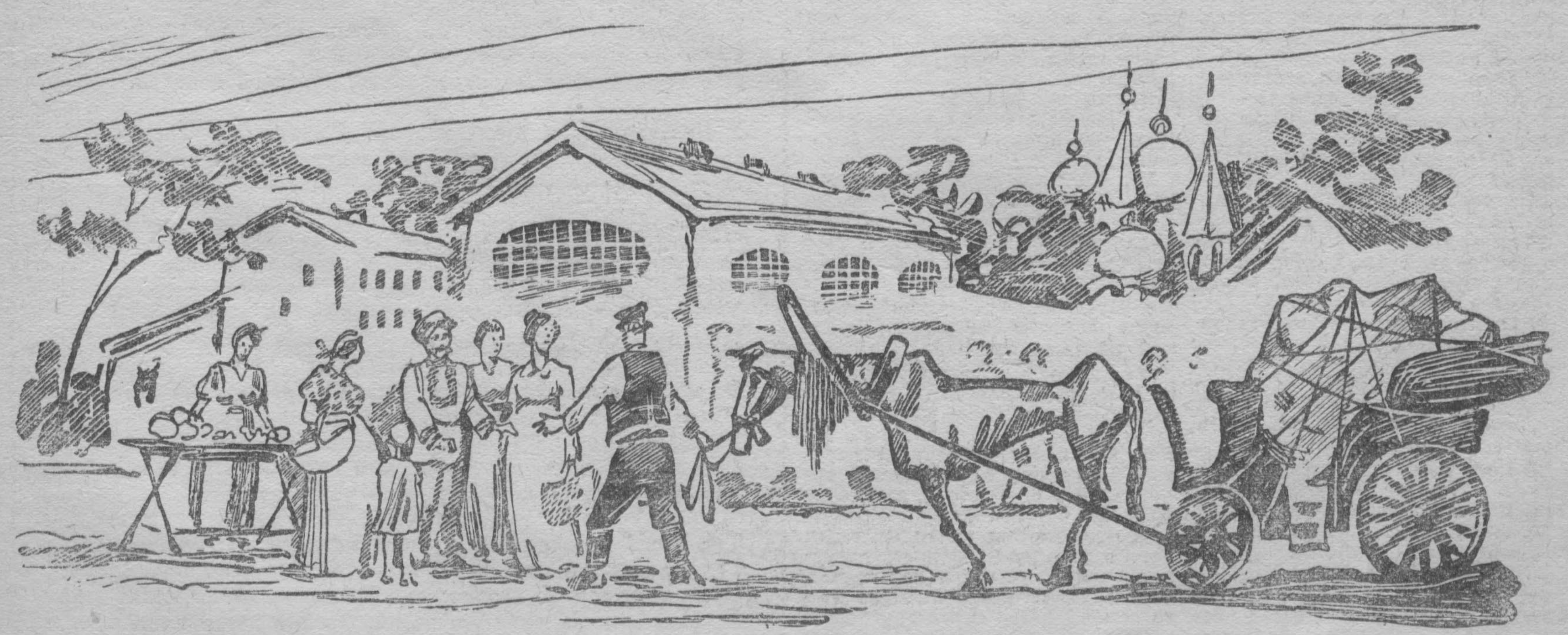
— Какой же это вопрос!

— Это, — заявляет мне Хейфец, — серьезный вопрос, потому что некоторые красные таращанцы пришли к нам совсем не обутые. Можно подумать, что они так спешили, что не успели даже обуться.

Теперь вы догадываетесь, в чем дело? Дело в том, что наши сапожники успели уже сговориться сшить красным таращанцам в подарок от всего местечка по паре хороших сапог. И это Хейфец называл заказом! Я был прямо поражен. Как они успели так быстро сговориться?! Ведь они никогда и ни в чем не могли сговориться.

— Но это же вовсе не заказ! — говорю я.

Вы, конечно, слышали о батьке Боженко? Как вы полагаете: мог

— Где я могу найти батько Боженко?

такой знаменитый герой ждать, пока наши сапожники сошьют его бойцам сапоги? Он же думал обо всей Украине, обо всех местечках и так спешил, что даже не слез с коня, поскакал дальше со своей кавалерией, а за ним ушли из местечка и все таращанцы.

Сапожники окружили Хейфеца и кричат:

— Как же нам быть с сапогами?

Я уже смеюсь про себя — вот вам и заказчики! — но Хейфец — это же мудрец — показывает на меня:

— Вы совсем забыли, что у нас в местечке есть свой извозчик.

И все кричат:

— Верно! У тебя, Хейфец, очень счастливая мысль. Как мы забыли, что у нас есть извозчик Шлемка?! Пойдем скорее искать материалы и будем шить сапоги.

Петлюровцы сколько раз искали у них материалы. Они божились, что у них нет никаких материалов, что они шьют только из материала заказчика.

Я спрашиваю:

— Где же вы найдете материал?

Они говорят:

— Ты, Шлемка, об этом можешь не беспокоиться. Для такого особого рода заказа мы, наверное, где-нибудь и что-нибудь да найдем.

И они, конечно, нашли, они выполнили свой особого рода заказ из наилучшего материала.

Первым опять является Хейфец, несет готовые сапоги:

— Ну, Шлемка, можешь запрягать.

За ним идут другие сапожники и тоже несут сапоги, кричат мне:

— Эй, Шлемка! Покорми свою клячу, чтобы на этот раз она по дороге не очень стучала костями.

Я не успел оглянуться, как мой тарантас был уже весь загружен сапогами.

Вы, наверное, думаете: при чем здесь самый большой самовар? Он же рассказывает все только о сапогах. Послушайте дальше.

Я выезжаю из местечка, везу сапоги, и меня провожают все сапожники. И все напоминают:

— Шлемка, не забудь, что ты должен привезти нам расписку.

— А если я не найду вашего заказчика?

Я смеюсь, а они сердятся:

— Ты же говоришь глупости! Не может этого быть. Его знает вся Украина. Ты только спроси, где тут батько Боженко, и тебе всякий укажет.

С этим можно было согласиться. Приезжаю в соседнее местечко, останавливаюсь на базаре и спрашиваю:

— Где я могу найти батько Боженко?

Все страшно удивляются:

— Какое у тебя к нему дело?

Я им объясняю как нельзя лучше, какое у меня к нему дело. Собирается много народу, и все хвалят наших сапожников.

— О, это, — говорят, — очень хорошо! Батько Боженко и вся советская власть скажут вам большое спасибо. Но тебе же придется далеко ехать! Он третьего дня дал Петлюре бой за наше местечко и погнал его дальше.

Я тоже гоню свою клячу. Приезжаю в другое местечко, опять спрашиваю, и опять все хвалят наших сапожников и жалеют кости моей клячи.

— Тебе очень и очень далеко придется ехать. Батько Боженко со своими таращанцами уже четвертый день, как от нашего местечка наступает на запад.

Я думаю: вчера он был на три дня впереди, а сегодня уже на четыре. Так что же: я еду к нему или я еду от него? Выходит, пожалуй, что моя кляча пятится задом.

Все смотрят на нее и сомневаются: смогу ли я со своими сапогами догнать таращанцев, хотя они наступают и босиком. Но я решил, что не будут же они гнать Петлюру до самого Парижа. И я оказался совершенно прав.

Приезжаю в одно местечко и спрашиваю, давно ли у них был батько Боженко. Мне говорят, что он никуда и не уходил из их местечка.

Я не совсем понимаю:

— Так он здесь?!

— Но это же ясно! Он дал Петлюре окончательный бой и теперь немножко отдыхает.

Не знаю, верить или нет:

— Где же он?

— А вон он пьет чай со своими таращанцами из самого большого своего самовара.

Показывают на какой-то вишневый садок. Подъезжаю и вижу, что действительно сидят в садку за столом красные командиры и пьют чай из очень большого медного самовара.

Я смотрю на этот самовар и забываю все на свете. Мне кажется, что я нашел какое-то счастье.

Боженко вытирает полотенцем лицо и спрашивает:

— Товарищ извозчик, чему вы так удивляетесь?

Я сознаюсь:

— Разве, товарищ Боженко, я мог когда-нибудь думать, что на свете бывают такие большие самовары? Из него же может напиться чаю все наше местечко!

Я чуть было не забыл сказать, что привез сапоги. Он узнает, какого это особого рода заказ, и приглашает меня к самовару. Я сажусь. Меня угощают как очень важного гостя, наливают чай и предлагают сахар внакладку. Все командиры со мной разговаривают, расспрашивают о наших сапожниках. Я вспоминаю о них и говорю:

— Товарищ Боженко, напишите мне расписку в получении сапог, а то за этим самоваром я совсем забуду про нее.

Он удивляется, зачем мне расписка.

— Как зачем? Я же должен ее привезти сапожникам!

Он смеется — это же был ужасно хитрый человек! — и говорит, что можно вместо расписки привезти сапожникам что-нибудь совсем другое.

Я развожу руками:

— Что же другое я привезу им? Я же не привезу им этот самовар?!

Вы, конечно, подозреваете, что у меня была та же мысль. Но как же я мог подумать, что он захочет подарить нам такое чудо! Я был совсем, как во сне. Я даже не понял, к чему он говорит:

— Пусть ваши товарищи сапожники соберутся вместе и пьют чай из этого самовара.

Я просто растерялся... Вы не видели этот самовар? Ну, так зайдите в правление нашей артели и полюбуйтесь. Это же не самовар, это же настоящий паровоз! Он стоит у нас на самом почетном месте, на столе, покрытом красным сукном. Даже сам товарищ председатель потеснился для него в уголок. В большие праздники мы все вместе, вся артель со своими семьями, пьем из этого самовара чай и, поверьте мне, никогда не можем выпить до дна. Какой-то бездонный колодец!

Цэдэн Галсанов

СМЕРТЬ ВОЕНКОМА

(Из поэмы «Павел Балтахинов»)

I

Ночь, как железо, холодна. Глухая тьма кругом.
К родному дому подскакал отважный военком.
Впервые он за много дней покинул стремена.
Навстречу бросилась к нему любимая жена.
Душистой пенистой арсы несет ему отец;
Остался сзади тяжкий путь, он дома наконец!

II

Накрыт полуночною мглой улус тревожно спит,
И медный колокол луны над ним в ночи звонит.
Будь осторожен, военком, задвинь засов дверной —
Не умолкает за окном голодный волчий вой...
К богатым волки не идут, боясь клыкастых псов,
У беззащитной бедноты они дерут коров.

III

Улус в тревожной тишине зловещий видит сон:
Беду пророча, издает сова протяжный стон;
Сорока — вестница огня — стрекочет на сосне;
Созвездье Ворона, как кровь, пылает в вышине;
Угрюмо бьется Ангара в свой панцырь ледяной,
Стоят кусты, окоченев, под снежною корой;
В кустах расставлены силки незримые для глаз...

IV

Встал Балтахинов на заре — разлуки близок час.
В последний раз к его груди прижалася жена.
В рассветном сумраке она ему едва видна.
«Павлуша,— слышит он,— во мне ребенок бьется твой,
Будь осторожен, жизнь свою храни, любимый мой!»

V

Бесшумной поступью к окну подходит военком.
Усталый, бледный лик луны зевает за окном.
Мерцают звезды кое-где и гаснут... Близок день.
В морозной дымке у крыльца метнулась чья-то тень.

VI

Улус еще в глубоком сне. Кто ж бродит тут чуть свет?
«Как жаль,— он шепчет,— что со мной Каландрашвили нет
И нет товарищей моих: мы б взяли в оборот
По-волчьи рыщущий в ночи белогвардейский сброд».

VII

Последний, долгий поцелуй: «Прощай, жена, прощай!
Хранить ребенка и себя ты также обещай.
Должны мы вырастить его героем-храбрецом.
Нет счастья выше на земле, чем счастье быть бойцом.
Прощай, отец!» — и старика в объятьях Павел сжал.
И в наступившей тишине тревожно конь заржал.
Твой конь, ты слышишь, военком? Беги, скорей беги!..

VIII

В заиндевелых башлыках взломали дверь враги.
Глаза их яростью горят, и каждый лют, как зверь.
И с ними заодно мороз, клубясь, ворвался в дверь.

IX

У Балтахинова в руках граната и наган,
Он не отдаст себя живьем ликующим врагам —
Пусть грянет взрыв, сметая все, ломая и крутя.

X

«Стой! — сердце крикнуло ему.— Ведь здесь твое дитя,
Твой первенец! Погибнет он, об этом не забудь».

XI

Ударил выстрел, и свинец ему вонзился в грудь.
И выпало из рук его оружье в первый раз.

XII

О, если б сын с ним рядом был, он крикнул бы сейчас:
«Отец, не думай обо мне! Рази врагов, отец!..
Ответь ударом на удар, гранатой на свинец».
Нет счастья выше на земле, чем счастье быть бойцом!..
И, стиснув зубы, комиссар упал вперед лицом.

XIII

Так погиб военком Балтахинов, но память о нем жива.
Годы летят, но имя героя твердит по улусам народ.
О светлом сердце его слагают огненных песен слова
О славе его, не умолкая, забайкальский ветер поет.

Перевод с бурят-монгольского Б. Лебедева и Т. Сальманович.

Леонид Ган

БОЛЬШАЯ ЖИЗНЬ

На одной из глухих улиц Симбирска в январе 1892 года открылась первая в России народная библиотека-читальня, составленная из книг, пожертвованных разными лицами. Еще осенью учительница Кашкадамова, жена доктора Сахарова, Суперанский из Крестьянского банка, Знаменская и библиотекарь Медведева решили открыть бесплатную народную библиотеку-читальню. Ни средств, ни книг у них не было. Они обратились за помощью к наиболее влиятельным и обеспеченным лицам в городе. Миссию просительницы и сборщика книг взяла на себя Медведева. Не всюду ее встречали приветливо, иногда просто перед нею захлопывалась дверь. Но желание создать народную библиотеку побеждало в ней даже чувство унижения.

Итак, библиотека открыта. Небольшой шкаф, висячая дешевенькая лампа, два некрашеных стола да несколько табуреток—вот и все убранство трех небольших комнат, занятых под библиотеку во втором этаже одного из частных домов на Панской улице.

Заведующей была М. Г. Медведева. Жалованья она получала десять рублей в месяц.

В первый же день, как только открылись двери библиотеки, желающих получить надом книгу или почитать газету было так много, что они заполнили маленькие библиотечные комнатки, узкую входную лестницу, толпились на улице у подъезда, ожидая своей очереди.

Из боязни, что библиотека начнет распространять «крамолу», цензура разрешила ей иметь только такие книги, как «Киево-Печерская лавра», «Русский паломник», журнал «Нива» (без приложений); из сочинений Тургенева были допущены «Записки охотника»; Пушкин в сокращенном, «народном» издании. Опальными оказались Некрасов, Достоевский, Успенский, Помяловский. Из сочинений Гончарова, чье имя носила библиотека, был разрешен только «Фрегат «Паллада».

Мария Григорьевна всячески изощрялась, чтобы обойти запрещения.

— Не могу я дать читателю, вместо хорошей книги. «Чудесные деяния пресвятого Сергия». Не могу! — жаловалась она одной из организаторов библиотеки.— Говорят, что человека в тюрьму запрячешь, но мысль его будет свободна. А у нас и мысль пытаются в тюрьму заточить. А как без книги жить? Вы помните, что Герцен о книге писал?

«Вся жизнь человечества последовательно оседала в книге: племена, люди, государства исчезали, а книга оставалась... Но в книге не одно прошедшее, она составляет документ, по которому мы вводимся во владение настоящего; во владение всей суммой истин и усилий, найденных страданиями, облитых иногда кровавым потом; она и программа будущего».

— А какие книги я могу дать своему читателю? О каком прошлом они ему расскажут, какое покажут настоящее и к какому будущему его поведут? Но самое страшное — это знать, что есть хорошие книги, а приходится давать макулатуру. И выхода нет.

Но выход, правда, весьма относительный, был найден. По цензурным условиям, в платных библиотеках подбор книг мог быть значительно шире. И в 1899 году Знаменская открыла платную библиотеку, которая помещалась в одной комнате с народной, имела общий читальный зал и обслуживала ее та же Машенька.

Естественно, что книги из платной библиотеки стали попадать к читателям народной. (Кстати, платных читателей было немного).

В десятую годовщину со дня смерти И. А. Гончарова, 16 сентября 1901 года, библиотека была поднесена в дар городу.

Дворец книги имени В. И. Ленина в Ульяновске.

Дар приняли не особенно охотно: лишние расходы, лишние заботы. Но отказаться было неудобно.

★

С установлением советской власти крупные библиотеки были национализированы. Марию Григорьевну вызвали к военному комиссару:

— К нам сюда привезли реквизированные книги, вы посмотрите. Может быть, что и подойдет.

«Привели меня в комнату,— рассказывала после Мария Григорьевна,—а там несколько тысяч книг. Все в роскошных переплетах, с тиснением. У меня глаза разгорелись при виде такого богатства.

Подружились мы с комиссаром. Сам иногда разбирать книги помогал, только времени у него мало было. Но скоро пришлось нам с ним расстаться. На город наступали белые, и наши должны были отойти. Хотела и я с ними, да не на кого библиотеку оставить. И комиссар уговорил остаться».

Мария Григорьевна переселилась в библиотеку: за книги боялась: хозяева реквизированных книг требовали их возвращения. Но Мария Григорьевна всеми правдами и неправдами старалась выиграть время. Она помнила слова комиссара: «Мы скоро вернемся» — и верила им.

Недолго белые продержались в Симбирске: их выгнали и выгнали навсегда.

Мария Григорьевна Медведева.

Казалось, все дни Марии Григорьевны были похожи один на другой: приходила в библиотеку, выдавала книги, беседовала с читателями и опять выдавала книги.

Но это сходство было только внешним. Каждый день приносил и свои радости и свои горести. Довольная, она рассказывала библиотекарю Быковой, с которой работала уже несколько лет, о том, что рабочий Федоров сегодня взял Толстого.

— А помнишь, всего три года назад он выбирал книгу по шрифту: большие буквы — значит хорошая книга.

Мария Григорьевна не сказала о том, как она сидела над каталогом и составляла для Федорова список книг. Как она беседовала с ним, помогая разобраться в книге. Она привила этому уже немолодому рабочему железнодорожного депо любовь к книге. А сколько к ней приходило таких Федоровых!

★

Кроме Гончаровской в городе с 1848 года существовала еще Карамзинская библиотека. Она помещалась в дворянском собрании. В нее входили личные библиотеки Н. М. Карамзина, писателя И. А. Гончарова, В. Ф. Одоевского, Языковых.

Владимир Ильич Ленин в юные годы состоял читателем этой библиотеки, единственной тогда в Симбирске.

В феврале 1920 года обе основные библиотеки города слились. Краеведческому музею, где в это время помещалась Карамзинская библиотека, понадобилась добавочная площадь. Мария Григорьевна предложила перевезти книги к ней в библиотеку.

Почти два месяца в сыром, нетопленном подвале, часто и по ночам, разбирали она и ее помощники книги Карамзинской библиотеки. Перед ними лежали несметные богатства: «Венецианские инкунабулы» 1483 года; богатейшая коллекция «эльзевиров» XVI—XVII века; сочинения Яна Гуса, изданные Бодони в XVI веке; подлинник «Путешествия по России» Берберштейна — 1575 года; «Уложения» царя Алексея Михайловича, сатиры Кантемира, подлинные дневники путешествия Петра I.

А вот книги из личной библиотеки Карамзина: «История государства Российского» с пометками и замечаниями автора; рукописные книги, служившие Карамзину пособиями, когда он писал свою «Историю»; сочинения декабристов, изданные заграницей; речи и мемуары деятелей Французской революции, изданные при их жизни; первое издание Пушкина; книги с автографами Некрасова, Гончарова, Салтыкова-Щедрина.

★

Суровый 1920 год. После работы в библиотеке, уже вечером, Марию Григорьевну всегда: и в дождь, и в мороз, и вьюгу—можно было увидеть на самых глухих уличках города. Она ходила по квартирам неакуратных читателей и напоминала, что книгу пора вернуть. И часто уже поздно вечером она возвращалась со связкой книг.

— С обхода идет наша библиотекарша,— говорили и взрослые и дети.

И в их тоне чувствовались любовь и гордость за свою библиотекаршу.

Прошло еще пять лет, и 21 января 1925 года, в первую годовщину смерти Ленина, в бывшем дворянском собрании был открыт Дворец книги имени В. И. Ленина. Заведующей была назначена Мария Григорьевна Медведева.

Но недолго проработала она. Пришли в библиотеку другие люди. Они не знали Марии Григорьевны, не понимали ее методов работы. Перед ними была совершенно седая старушка, проработавшая в библиотеке 35 лет. И Марию Григорьевну уволили. Она никуда не пошла жаловаться, но за несколько дней сразу постарела, стала как-то меньше. Глаза потускнели. Походка сделалась медленной, старческой.

Когда в обкоме партии узнали, что Медведеву уволили, было вынесено решение — немедленно восстановить ее на работе. Но Мария Григорьевна отказалась:

— Я, и правда, кажется, старой стала. Пока работала, не замечала. А вот сейчас чувствую, что тяжело мне. Да и вижу я плохо: глаукома.

И все ж почти каждый день Мария Григорьевна приходила во Дворец. Помогала молодым библиотекарям, беседовала с читателями, писала формуляры. Ее радовала каждая новая книга, журнал. Она, как и прежде, брала абонемент кого-нибудь из читателей и смотрела, растет человек или нет.

В 1933 году, накануне 1 Мая, к Марии Григорьевне заехал председатель горсовета и привез билет на торжественное заседание.

Марию Григорьевну выбрали в президиум. Она внимательно слушала докладчика. Он рассказывал о героической борьбе международного пролетариата, о счастливых людях страны социализма, о доблестном и радостном труде в нашей стране.

— Вот здесь, за столом президиума,— сказал докладчик,— сидит Мария Григорьевна Медведева. Большинство из присутствующих знает ее. Это наша библиотекарша. Это наш друг, а иногда и учитель. Сколько здесь в зале сидит людей, которых Мария Григорьевна научила любить книгу!

Мария Григорьева сидела смущенная. Она чувствовала, что на нее смотрят тысячи глаз. Ей хотелось остановить оратора, уйти...

— И я рад,— продолжал докладчик, председатель горсовета,— что мне первому выпала честь поздравить Марию Григорьевну — организатора и ответственного библиотекаря первой народной бесплатной библиотеки-читальни — с почетным званием Героя труда, которое присвоил ей Президиум ВЦИК.

Надежные друзья

Очерк Л. Рода   Фото В. Грюнталь

В питомниках служебного собаководства разводят и дрессируют различные породы военных собак: немецких овчарок, эрдель-терьеров, лаек и других.

Для бойцов Красной Армии служебная собака — надежный друг и помощник.

Хорошо обученная служебная собака работает добросовестно и без отказа.

Немецкая овчарка Альф работает в военной части связистом: доставляет донесения с одного поста на другой, не смущаясь преградами — рвами, водой, канавами.

В этой же части работает связистом лайка Арно — рыжий остроухий и страшный забияка.

Вообще у Арно покладистый характер, он весьма интересуется своей работой и во время работы даже не гоняется за кошками, хотя питает к ним настоящую страсть.

В свободное время Арно старался не упустить случая, чтобы подраться с Альфом.

Альф жаждал драки не меньше и сам искал встречи с Арно. Оба ненавидели друг друга, так как им никогда не удавалось додраться до конца и выяснить, кто же из них сильнее.

Собак растаскивали, и вражда разгоралась.

Однажды Альф торопился с донесением на пост. Неожиданно он заметил издали рыжего задиру. Арно спешил навстречу. За ним по траве тянулся телефонный провод, прикрепленный к шлейке на спине.

Наконец-то! Вот она, желанная встреча! Без свидетелей, с глазу на глаз.

Но... враги сделали вид, что не замечают друг друга: каждый пошел своей дорогой исполнять порученное ему дело.

С самого утра немецкая овчарка Скиф подносил бойцам патроны. Дорога, по которой бежал Скиф, шла через лесок, а затем открытым полем.

На треск перестрелки подносчик патронов не обращал ни малейшего внимания: он чересчур был занят, да и привык не бояться пальбы.

Было жарко, Скифу хотелось пить. На ходу он лакнул из попавшейся лужи и, не задерживаясь, побежал дальше. На опушке Скиф на секунду приостановился и настороженно поднял уши: из кустов несся подозрительный шорох. Затем листва затрепетала, и пуля взрыла землю под самым носом у Скифа. Инстинктом Скиф почуял опасность. Шерсть на загривке встала дыбом. Скиф зарычал, прыгнул в сторону и минуту спустя уже далеко мелькал в поле.

Обычно он не шел по открытому месту, а укрывался в траве, по краю дороги. Но на этот раз трава казалась ему небезопасной и он предпочел пуститься напрямик.

На посту Скифа ждали бойцы. Нужно было срочно доставить донесение на командный пункт.

Пост-пакет, кажаную сумку с донесением, надели Скифу на шею, и связист, приветливо покрутив хвостом, деловито побежал к лесу.

Но здесь он схитрил. Он не пошел старой дорожкой мимо кустов.

Нет. Пробираясь за деревьями, Скиф тщательно обогнул поляну и благополучно вышел из лесу.

Через полчаса с ответным приказом в пост-пакете Скиф покидал командный пункт.

Вот уже и знакомый лесок. Но едва лишь Скиф ступил на поляну, как что-то грохнуло, треснуло. Скиф завизжал, завертелся, и кровь брызнула из лапы. Собака бросилась вперед. Вдогонку неслись выстрелы. Скиф бежал, не останавливаясь, тихо скуля от боли.

И только у самого поста на минутку присел и с визгом полизал рану.

Наконец-то он добрался к цели!

Но... бойцов здесь не было. Пост исчез. Скиф ошеломленно осмотрелся.

В его взгляде было все: и отчаяние, и удивление, и призыв.

Никто не откликнулся. Кругом все пусто и тихо. Волоча лапу, оставляя за собой кровавый след, Скиф почти полз, касаясь носом земли. Знакомый запах терялся в траве. Скиф снова полизал рану, его мучили боль и жажда, но он настойчиво продолжал поиски. Повернул направо, принюхался и вдруг.. завилял хвостом. Нашел... Несомненно, нашел. Этой дорогой уходил переместившийся пост.

Хромая, низко опустив голову, Скиф уверенно пошел по следу.

Еще несколько усилий — и он увидел в кустарнике своего вожатого-бойца.

Вот теперь Скиф может отдохнуть: он доставил приказ на пост.

В походе.

Собака-санитар отличается добрым, мягким и доверчивым характером. По команде вожатого она отправляется на поиски, и когда находит раненого, то берет в зубы бринзель—обшитую кожей палочку, висящую на ошейнике. Затем возвращается к вожатому. Бринзель в зубах означает, что раненый найден. ←

Собака службы связи помогает бойцам налаживать телефонную связь даже под обстрелом. →

↑ На службе подноса собака доставляет бойцам на передовые линии, в секреты, на сторожевые посты различные грузы во вьюке: патроны, пулеметные диски и т. д.

← С донесением в портдепешнике (резиновой сумке на шее) собака-связист переходит болото и переплывает реку.

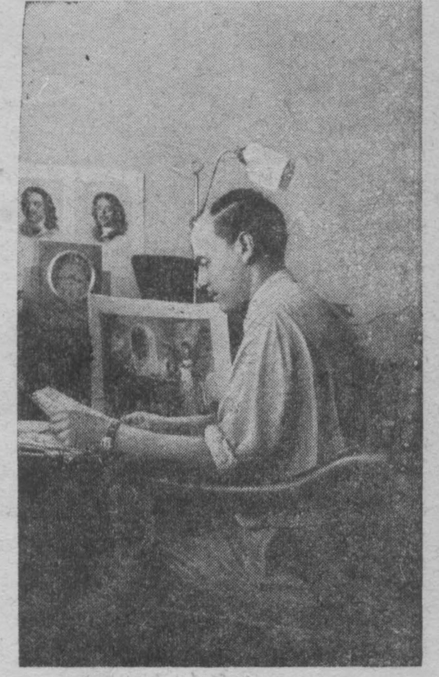
→ Верный друг и помощник не расстается с бойцом даже в дымовой завесе. Собака может работать в противогазе в течение трех — четырех часов.

Н. Белявский

МАСТЕР РЕАЛИСТИЧЕСКОГО РИСУНКА

Фото Ю. Говорова.

Художник А. Шмаринов.

Художник-иллюстратор, воплощающий в графике словесные образы, призван разрешать трудные и сложные задачи. Иллюстратор должен быть одновременно и чутким читателем, и историком, и знатоком литературы, и, конечно, прежде всего талантливым художником.

Графики «Мира искусств», игравшие до революции господствующую роль в иллюстрации, часто искали в литературном произведении только мотивы для изощренно-эстетических украшений книги. Формалистический подход проникал и в советское изобразительное искусство. Так, в гравюрах к поэме Александра Блока «Двенадцать» художник Гончаров больше всего стремился к тому, чтобы выявить фактуру деревянной плоскости. Но застывшие, неподвижные деревянные фигуры никак не вязались с пронизанной ветром и ощущением пространства поэмой Блока.

Лучшие советские художники-графики пошли по другому пути. Свою цель они увидели в передаче средствами изобразительного искусства основного идейно-философского и эстетического смысла книги.

Одним из талантливейших мастеров иллюстрации является А. Шмаринов. Это молодой художник, творчески сформировавшийся после революции. Уменье чутко воспринять круг идей, настроений, исканий, которыми овеяно литературное произведение, дать острую психологическую характеристику его героев — основные черты творчества Шмаринова. В своих рисунках он передает своеобразие мировоззрения, тончайшие особенности стиля столь различных писателей, как Пушкин, Достоевский, Аксаков, Некрасов, Горький, Шолохов, Алексей Толстой.

В иллюстрациях Шмаринова к «Жизни Матвея Кожемякина» и «Делу Артамоновых» А. М. Горького встают типические образы купцов и предпринимателей. На истории трех поколений семьи Артамоновых, начиная от исполненного жизненных сил Ильи и кончая тупым, безвольным и трусливым Яковом, иллюстратор, следуя за писателем, убедительно показывает постепенный духовный распад, моральное разложение и вырождение русской буржуазии.

Интересны и своеобразны рисунки Шмаринова к произведениям С. Т. Аксакова. Иллюстрируя «Детские годы Багрова-внука», Шмаринов тонко воспринимает идиллические мотивы, которыми проникнута эта книга, раскрывающая воздействие природы на формирующуюся душу ребенка. Прозрачные, хрупкие, еще не одевшиеся зеленью ветки деревьев отражаются на поверхности разлившихся весенних вод. Светлое весеннее оцепенение охватило и Сережу, словно вбирающего в себя влажное дыхание набухающей жизненными соками земли. Ощущение трепетной связи человека с природой прекрасно передано в этих иллюстрациях Шмаринова.

Но вот на смену им идут иные образы. Мрачные, черные лестницы, сырые, лишенные солнечного света дворы петербургских домов... перед нами фон, по которому рельефно проходят путаные жизненные пути героев «Преступления и наказания» Достоевского.

Вот комната Сони Мармеладовой. Черный контур деревянной кровати заслоняет поставленную на столе свечу. Опустившийся на колени Раскольников, который пришел поклониться Соне, поклониться всему человеческому страданию... Вся убогая обстановка комнаты подернута густым вечерним сумраком. Только лицо прислонившейся к столу Сони выхвачено из мрака светом свечи. Используя игру световых контрастов, Шмаринов мастерски передает порывистый, эмоционально-напряженный стиль Достоевского.

Не следует думать, что романы даже такого художника, как Достоевский, дают исчерпывающий материал для иллюстратора. Словесный образ строится по своим законам, он рассчитан на специфически-литературную, а не графически-зрительную наглядность. В нем всегда многое требует от иллюстратора зрительных обобщений и уточнений. Чем глубже воспринято литературное произведение, чем пристальней изучил его текст художник, тем вернее восполняет он оставшееся недоговоренным.

Работая над созданием образа Сони, Шмаринов прежде всего выписал все, что имеет отношение к ее зрительной характеристике. Однако указания Достоевского, что Соня была красивой, не вязались с рассыпанными в романе описаниями ее наружности — худощавой блондинки с неправильными, острыми чертами лица. Обобщить этот материал в едином зрительно-конкретном образе предстояло самому художнику, и Шмаринов с покоряющей убедительностью справился с этой задачей. Глубиной психологического анализа примечательны и портретные образы Раскольникова, старухи-ростовщицы, Порфирия Порфирьевича.

Неоднократно обращался Шмаринов и к современной революционной теме. Им иллюстрированы «Поднятая целина» Шолохова, «Бруски» Панферова и ряд других произведений советских писателей. Для предстоящей выставки художественных произведений на темы истории партии им сделаны три рисунка: «Первый съезд советов», «Столкновение крестьян с казаками при разгроме помещичьей усадьбы» и «Похороны Баумана».

★

Последняя крупная работа Шмаринова — серия рисунков «Петр I» (по роману А. Толстого). За нее Шмаринов представлен оргкомитетом Союза советских художников СССР на соискательство сталинской премии. В этой серии от Петербурга Достоевского и его замкнувшихся одиноких героев, от прозрачной ясности и пластичности иллюстраций к пушкинским «Повестям Белкина», Шмаринов переходит к изображению Руси на рубеже XVII и XVIII веков, исторических событий и массовых народных сцен. И снова Шмаринов умеет найти совершенно новый стиль, новую графическую манеру.

Его рисунки воссоздают эпоху, когда Россия, по выражению Пушкина, «в бореньях силы напрягая, мужалась гением Петра», когда непримиримыми врагами столкнулись веяния Запада и косный, допетровский уклад.

Шмаринов верно и всесторонне воспринял и передал в рисунке характер эпохи.

Тут и картины старой Москвы, и казнь стрельцов, и победоносные петровские походы, и оживленные ассамблеи, и рождение первенцев русского флота. Серия охватывает первую половину царствования Петра, до петербургского периода.

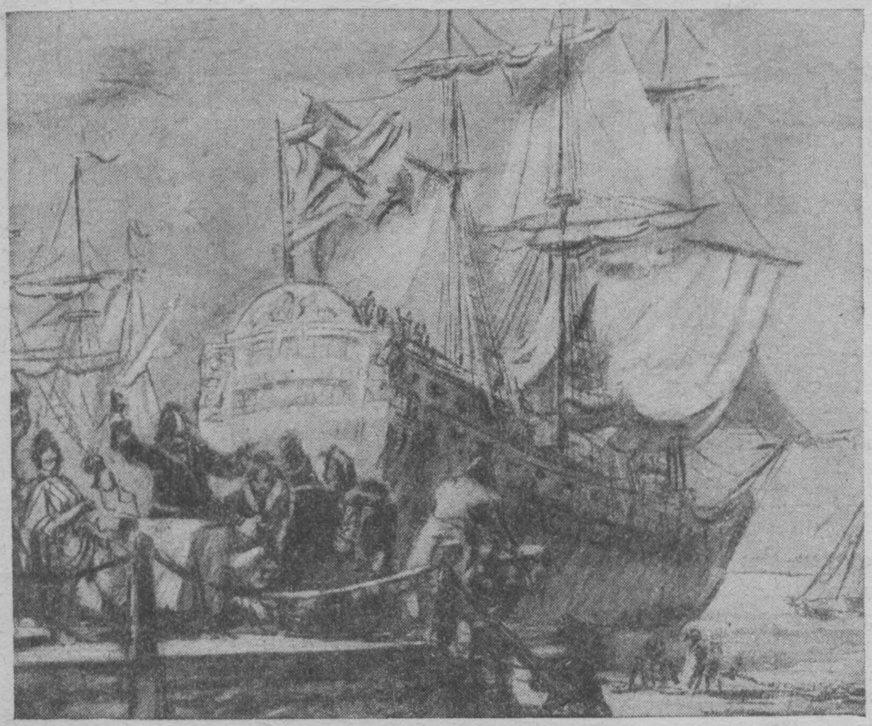
Перед нами проходят эпически величавые, многоплановые композиции, раскрывающие образ великого преобразователя на фоне исторических сдвигов и потрясений. Петр показан Шмариновым и как человек, и как полководец, и как смелый новатор.

Это не просто исторически-документальные иллюстрации, а величавые синтетические образы, созданные на основе глубокого проникновения в жизнь и быт петровской эпохи.

★

Как же достигает Шмаринов убедительного и разнообразного решения иллюстраций к произведениям столь разных писателей, освещающих жизнь различных эпох и социальных группировок? Конечно, для этого нужны широкий кругозор и огромная культура труда.

Заглянем в творческую лабораторию художника. Прежде всего выступает его уменье сильно и целостно воспринять образы, настроения, литературные тенденции произведения, не теряя в то же время и своего реалистического мироощущения человека социалистической эпохи. Затем следует упорная, кропотливая работа над текстом. Художник выписывает из произведения все относящееся к зрительной характеристике героев, среды, обстановки, составляет план комнат, отмечает особенности костюмов. В процессе этой работы рождаются наброски будущих композиций, возникают первые эскизы. От литературного факта художник идет к еще более детальному изучению эпохи, среды, быта. Во время работы над иллюстрированием пушкинских «Повестей Белкина» Шмаринов, изучая 30-е годы XIX века, пользовался гравюрами, иллюстрированными изданиями пушкинской поры. Для создания рисунков к «Преступлению и наказанию» художник знакомился с жизнью и бытом Петербурга 60-х годов. Он перелистывал пожелтевшие

«Спуск корабля».
Из серии рисунков «Петр I».

«Ассамблея в Немецкой слободе».

Из серии рисунков «Петр I».

журналы, литографии. Его интересовали архитектура домов и общий облик улиц, убранство комнат и типовые черты человека тех лет.

Для иллюстрирования «Петра I» художник проделал еще бо́льшую работу. Он составил длинный перечень материалов, предметов домашнего убранства, различных родов оружия и одежды петровской эпохи, которые надо было посмотреть, изучить, зарисовать. Сколько было перелистано, прочитано, изучено исторических трудов и иллюстрированных изданий, посвященных эпохе Петра I! На стене мастерской Шмаринова висит целая галерея портретов Петра I, а в столе — коллекция открыток и репродукций, отображающих петровскую эпоху.

Связь между кинематографией и изобразительным искусством установлена давно. Гневное объяснение Петра I с сыном Алексеем сделано в кинофильме «Петр I» по картине художника Ге. Но и кино в некоторых случаях может помочь художнику, подсказать ряд деталей. Так например в кинокартине о Петре I Шмаринов подмечает, как своеобразно расплющивается широкий обшлаг рукава костюма той поры вокруг опущенной на стол руки,— зрительная подробность, которую едва ли мог предусмотреть даже пытливый глаз Шмаринова!

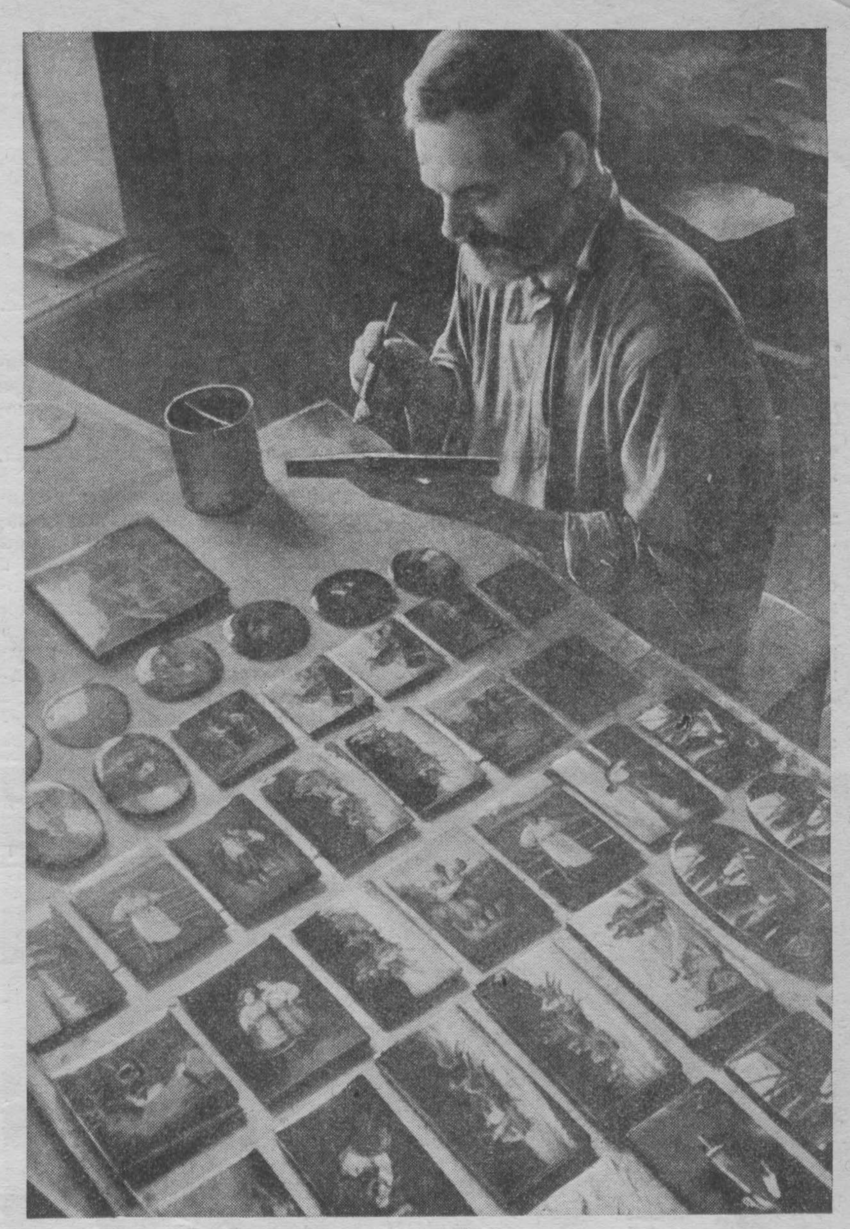
Не меньшей настойчивости потребовала и непосредственная работа художника. От первых, черновых эскизов, создавая ряд вариантов, Шмаринов шел к цельным, исторически и психологически убедительным образам и композициям, способным удовлетворить взыскательного художника.

Так вооружается А. Шмаринов глубоким пониманием произведения и отображенной в нем эпохи, так борется он за овладение мастерством реалистической иллюстрации. Это путь, требующий от художника напряжения всех творческих сил и огромного культурного кругозора.

«Петр, Меншиков и Катерина».

Из серии рисунков «Петр I».

Один из старейших мастеров села Федоскина И. И. Балашев за работой в лакировочном цехе артели.

ФЕДОСКИНО

Текст и фото Вл. Минкевича

Савеловская железная дорога. Поезд подходит к станции Луговая. Шесть километров пешего пути — осиновый лес, просека с переплетающимися тропами, склон оврага, ощетинившийся ельником, широкие дали полей.

Село Федоскино. Здесь живут и работают мастера миниатюры на лаковых изделиях и изделиях из папье-маше. Прекрасные работы художников села Федоскина славятся во всем мире. Они получили дипломы на выставках в Милане, Париже, Нью-Йорке.

«Тройка» — шкатулка работы федоскинской артели.

Осенью 1940 года федоскинская артель живописцев по папье-маше праздновала тридцатилетний юбилей, получила почетную грамоту Промкооперации за достижения в производстве художественных изделий высокого качества.

К юбилею был объявлен конкурс на лучшую работу. На выставке в Федоскине демонстрировалось до четырехсот работ как старых, так и молодых мастеров.

За прошедшие годы изменилась тематика миниатюрной живописи, наравне со старыми сюжетами появились сюжеты, отражающие нашу действительность.

«Моряки»—шкатулка работы мастера С. П. Рогатова.

Влас Родов

ПАМЯТНИК РУССКОГО ЗОДЧЕСТВА

Фото И. Гущина.

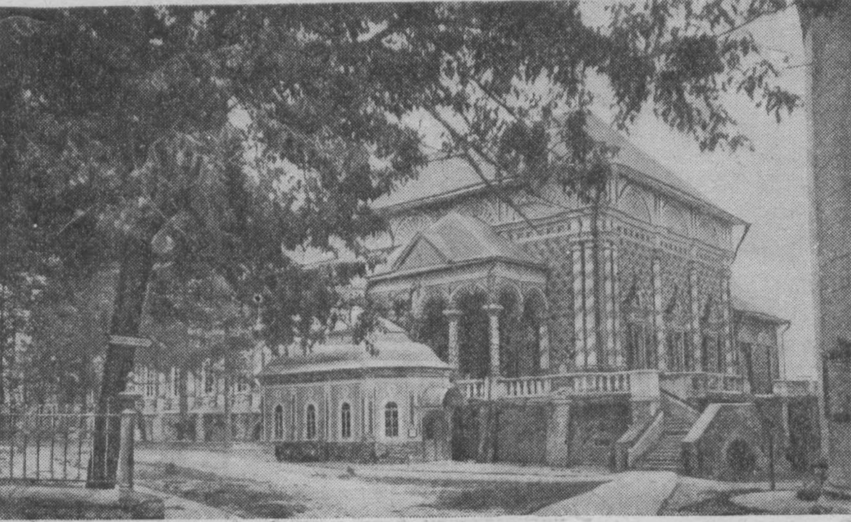
Общий вид бывшей Троице-Сергиевской лавры с западной стороны.

В 70 верстах от Москвы находится Троице-Сергиевская лавра, основанная в XIV веке Сергием Радонежским. Это один из интереснейших историко-художественных памятников прошлого.

Многовековая биография монастыря тесно связана со всей историей Москвы и Московского государства.

В начале XVII века, когда Московскому государству приходилось отражать нападение поляков, шведов и других иноземных врагов, монастырь-крепость, защищая подступы к Москве с севера, помог победе русского народа.

Но не одними «ратными» делами заслужил известность и вошел в историю нашего народа Троице-Сергиевский монастырь: он был также крупнейшим центром древнерусской культуры.

Трапезная.

Постепенно внутри крепостных стен монастыря выросли многочисленные постройки — ценнейшие архитектурные памятники русского зодчества.

Их причудливо-живописные формы, вобравшие в себя стили многих эпох, разнообразный и красочный облик всего монастыря не однажды привлекали внимание выдающихся русских художников: Юона, Кустодиева, А. Васнецова, Коровина, Кончаловского и других.

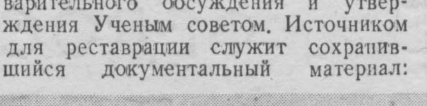
Века жизни, суровые военные бури не прошли бесследно для монастырских построек. Начали крошиться добротные кирпичи, подверглась частичному разрушению искусная кладка древних стен. Памятнику замечательной русской строительной техники и оборонного искусства XIV—XVII веков грозило разрушение.

В 1938 году в бывший Троице-Сергиевский монастырь, превращенный после Великой Октябрьской социалистической революции в музей, пришли ученые: историки, археологи, архитекторы, инженеры-строители, художники, проектировщики. Самая ничтожная рана на камнях, орнаментах, живописных украшениях была зафиксирована. Нанесены на кальку размеры и местонахождение тех или иных повреждений. Для реставрационных работ советское правительство ассигновало шесть миллионов рублей.

Был создан ученый совет при Управлении по делам искусства при СНК РСФСР, в состав которого вошли академики И. Жолтовский, И. Рыльский, А. Щусев, Арцыховский, Соболев и другие.

В 1940 году начались реставрационные работы. На территории монастыря появились первые реставраторы и строители. Из Владимирской и Ярославской областей приехали высококвалифицированные каменщики, получившие по наследству от дедов и прадедов мастерство каменной кладки, которым так славились их предки — строители монастырских стен.

Ни одна самая мелкая реставрационная работа не проводится без пред-

варительного обсуждения и утверждения Ученым советом. Источником для реставрации служит сохранившийся документальный материал: планы лавры, составленные в 1641 году, опись и чертежи 1745 года. Путем выкладок и законных догадок, вытекающих из точного знания строительных «привычек» и традиций древних русских зодчих, реставраторы дополняют несохранившиеся детали, сносят позднейшие пристройки и надстройки, сделанные бывшими хозяевами лавры — монастырским духовенством.

Наиболее интересные сооружения монастыря — стены и башни. Двухъярусные галереи стен шириною до 5 метров, с площадками и крытыми помещениями, давали возможность разместить здесь большое количество войск и орудий. Крепостные стены были снабжены «машикулями» — наклонными отверстиями, через которые осажденные могли обливать осаждающих кипящей смолой.

Монастырские ворота имели массивные железные решотки, так называемые герсы. Вокруг всего монастыря шел ров, выложенный белым камнем и кирпичом. Самое устройство стен позволяло вести «подошвенный» («нижний») и «верхний» бои. Самостоятельной неприступной крепостью была и каждая из десяти башен монастырской стены: Пятницкая, Луковая, Уточкина, Каличья, Красная, Надворотная и другие.

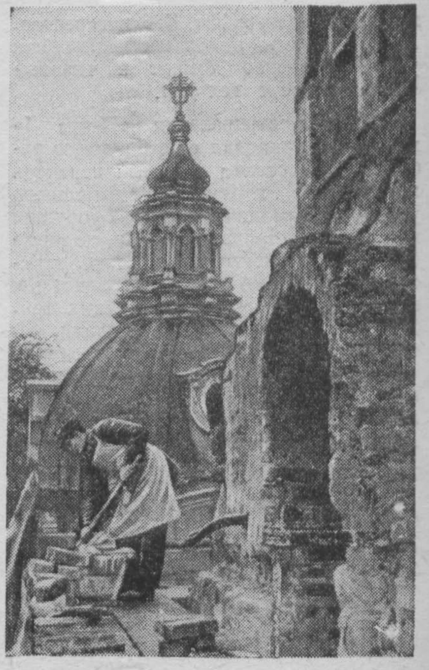
Одна из самых древних, дошедших до нас каменных построек Подмосковья,—Троицкий собор, выстроенный в 1422 году. Внутренние стены собора расписаны знаменитыми художниками XV века Андреем Рублевым и Данилою Черным. Некоторые из росписей были обнаружены только теперь, в ходе реставрационных работ. Изумителен каменный пятиглавый Успенский собор (XVI век), по архитектурным формам весьма сходный

Успенский собор.

с Успенским собором московского Кремля. Внутренние стены его покрыты фресками, исполненными ярославскими иконописцами во главе с известным художником XVII века Дмитрием Григорьевым. Около наружной стороны западной стены собора находится гробница Бориса Годунова и его семьи.

Яркий памятник так называемого «московского барокко»—монастырская трапезная (постройка XVII века). Роскошно декорированные каменные

Реставрационные работы у Зосимовской церкви.

крыльца с резными колоннами, обвитыми гирляндами, как бы подчеркивают парадность этого здания-палацца. Архитектурно-технические решения конструкций сводов трапезной делают этот памятник исключительно интересным для истории московского строительства конца XVII века.

Каменная пятиэтажная колокольня (XVIII век) Растрелли — Ухтомского создает впечатление стремительного взлета ввысь; широкие пролеты этажей-звонов придают особую легкость и прозрачность всей постройке, увенчанной золоченой главой причудливой формы в стиле рококо.

В стенах монастыря сосредоточено еще не мало других замечательных в архитектурном отношении зданий.

Внимательными наблюдателями и частыми гостями работ, проводимых сейчас в Загорске, являются проектировщики, архитекторы, инженеры из мастерских Дворца Советов и московских архитектурных организаций. Строители новой Москвы изучают здесь мастерство древних русских зодчих.

Четыре года упорной, кропотливой работы воссоздадут в первоначальной суровой красоте и мощи этот ценнейший архитектурный ансамбль.

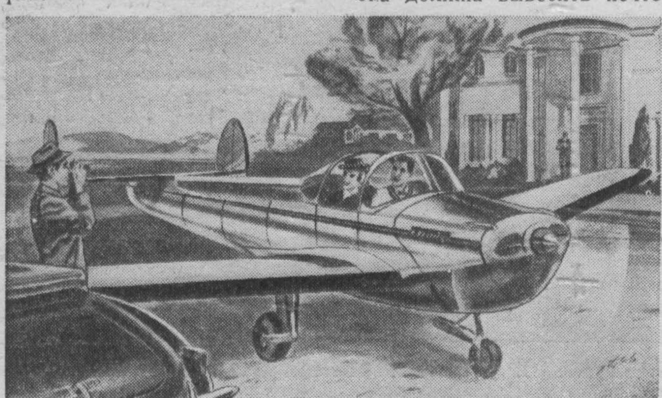
ПОДГОТОВКА ЛЕТНЫХ КАДРОВ В США. Американское управление гражданской авиации утвердило план подготовки 50 тысяч пилотов к 30 июня 1941 года. Это в пять раз превышает программу подготовки летных кадров прошлого года. В 498 колледжах были открыты подготовительные курсы (так называемого наземного обучения). Практические занятия студенты проводят на 528 аэродромах авиомоторных компаний.

Девять тысяч пилотов пройдут впоследствии дополнительный курс. Из них будут готовиться военные летчики.

Одновременно с обучением новых кадров Управление гражданской авиации приступило к выявлению пилотов, которые почему-либо деквалифицировались и потеряли право на вождение самолетов.

Диплом летчика обычно отбирается у него в случае большого перерыва в полетах. Уже выявлены 15 тысяч таких пилотов, окончившие летные школы, но не работающих в авиации. Для них будут созданы курсы «возобновления» квалификации.

Чрезвычайно показательными являются мероприятия, имеющие целью ликвидировать или, по меньшей мере, ослабить отсев летных кадров.

«Воздушное такси»

Так, 1 сентября 1940 года вступило в силу новое положение, разрешающее беременным летчицам, а также страдающим временным недомоганием летчикам летать на самолетах с двойным управлением в сопровождении второго пилота.

Не рискуя собой и машиной, такие летчики будут иметь возможность сохранить право на вождение самолетов.

Весьма интересным начинанием, позволяющим пилотам-непрофессионалам сохранить квалификацию, является организация дешового проката так называемых «воздушных такси».

«Воздушное такси» — это двухместная авиэтка с двигателем в 65 лошадиных сил. Она имеет трехколесное шасси и гидравлические тормоза, облегчающие разбег и устраняющие возможность капотирования при посадке.

Авиэтка имеет также надежные противоштопорные устройства.

«Воздушное такси» оплачивается из расчета 8 долларов в час, включая горючее и смазку, причем учитывается лишь чисто полетное время. Минимальное время — 1¼ часа в сутки.

Для учета времени полета на авиэтке установлен специальный счетчик. Этот же счетчик выдает пилоту справку о налетанных часах, которую он может представить соответствующим органам для продления срока действия диплома.

АПЕТИТ ПРИХОДИТ С ЕДОЙ. В американской авиационной печати все чаще появляются статьи, открыто призывающие к скорейшему вступлению США в войну.

Один из редакторов авиационного журнала «Аэро-Дайджест», Клодуэлл, в статье, озаглавленной «Основные доводы в пользу войны», пишет:

«Ни одна нация не стала нацией без того, чтобы в известный период своей истории не быть агрессивной. С того момента, когда нация переходит к обороне, она должна вывесить нечто вроде плаката пульмановской железнодорожной компании с хорошо известным текстом: «Просьба соблюдать тишину из уважения к отдыху удалившегося на покой». Франция, Англия, Бельгия, Соединенные штаты Америки полагали, что они уже удалились на покой, чтобы спокойно наслаждаться плодами своих былых грабежей. Да, мы требовали тишины, мы даже просили тишины, но ничего не помогло: в нашу дверь все же бесцеремонно стучатся».

О главном доводе, заставляющем Клодуэлла и его коллег по обслуживанию авиационных фирм ратовать против «тишины», т. е. за войну, он умалчивает.

Зато об этом говорится в передовой того же журнала. Начинается эта передовая с несколько неожиданного заявления:

«Банкиры и биржевые маклеры не выезжали в этом году к морю. На Уолл-стрит затишье...

Было даже замечено, что многие маклеры были вынуждены отказаться от своих апартаментов на Парк-авеню и вернуться к своим законным супругам...»

Редактор «Аэро-Дайджест» рисует мрачную картину «финансового застоя» в США и продолжает:

«В то время, когда мы находимся в таком состоянии, правительство вдруг обнаружило, что мы должны израсходовать около 13 миллиардов долларов на национальную оборону и что это—только начало. Фирмы, выпускающие самолеты, танки, броневики, линкоры, крейсеры, эсминцы, подводные лодки, пушки и оружие всех родов и видов, должны теперь расширять производство, закупать новое оборудование, набрать больше людей. Они не могут этого сделать без обширного финансирования многими сотнями миллионов долларов».

Но американским магнатам нужны не только обширные кредиты, но и неограниченные прибыли.

«Ходят слухи, — продолжает автор, — что правительство намеревается ограничить военные прибыли восемью процентами... Это хорошо для таких стабильных отраслей промышленности, как хлебопекарная, как мыловаренная. Но любой промышленник, который строит завод для производства танков, бомб или самолетов, вкладывающий в это строительство миллионы долларов и намеревающийся зарабатывать лишь восемь процентов на военных заказах, будет сочтен сумасшедшим».

Так в печати США отражается ажиотаж, порожденный расширением и обострением войны.

Новое в науке и технике

«ХОЛОДНАЯ» ТЕХНИКА ПЕЧАТИ. Скорость печатания лимитируется временем, необходимым для просушивания типографской краски. С увеличением скорости типографских машин температуру бумаги приходится повышать до предела.

В последнее время в США сделаны попытки разрешить эту задачу другим способом—путем нагрева краски.

Краску подают на шрифт, как обычно, в жидком состоянии, но нагретой более чем обычно. Благодаря большой разности температур краски и бумаги краска мгновенно застывает (замораживается) и остается на поверхности, не проникая в волокна бумаги. Так как при «холодном» способе печати краска не расплывается, то этот способ не только позволяет ускорить процесс печатания без риска размазывания краски, но и дает рельефную печать даже на низкосортной бумаге.

ВООБРАЖЕНИЕ И МУСКУЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. Профессор Колумбийского университета Вильям Шоу проделал недавно серию интересных опытов с целью выяснить, можно ли вообразить движение без мускульной реакции.

К рукам испытуемого Шоу прикрепил электроды. Слабые электрические токи, возникающие при мускульных движениях, проходя через усилитель, регистрировались на экране осциллографа.

После продолжительного отдыха (полного расслабления мышц) испытуемому предлагалось поднять лежащий на столе предмет и положить его обратно, затем вообразить, что вновь поднимаешь груз, оставаясь при этом в совершенно расслабленном состоянии.

Опыты показали, что даже без самой незначительной мускульной реакции нельзя вообразить выполнения какой-либо работы.

МЕБЕЛЬ ИЗ ПЛАСТМАССЫ. В США появилась плетеная мебель, изготовленная из специальной пластмассы «тенит».

Путем выдавливания получаются длинные гибкие ленты, из которых затем, как из тростника или ивовых прутьев, плетутся кресла, диваны и столы. Мебель из пластмассы имеет нарядный вид. Ее главное достоинство состоит в том, что она не боится ни дождя, ни солнца. Во время испытаний плетеная мебель из пластмассы стояла на солнце и под дождем в течение нескольких недель. Она даже была погружена на 48 часов в горячую воду. Все эти испытания мебель из пластмассы прошла удовлетворительно.

Сиденья из пластмассы слегка пружинят. Благодаря гладкости и прочности мебель из пластмассы никогда не рвет одежды, как это иногда бывает с обычной плетеной мебелью.

Плетеную мебель можно изготовлять ручным и машинным способом.

Мебель из пластмассы.

ИЗОБРЕТАТЕЛЬНИЦА ПОНЕВОЛЕ. На судах, увозящих беженцев со средиземноморских островов, царит невообразимая теснота. Рассчитан каждый метр места, и лишнего багажа с собой не возьмешь. Одна изобретательная беженка с острова Мальты устроила для своего четырехмесячного ребенка коляску в чемодане. На верхней крышке надпись крупными буквами «БЭБИ», предупреждающая о содержимом этого необычного чемодана.

ХИНИН В СМАЗОЧНЫХ МАСЛАХ. Научные работники лабораторий «Стандарт ойл компани» в Кливлэнде (штат Огайо, США) установили, что добавка небольшого количества хинина к смазочным маслам предохраняет их от разложения при высоких температурах, создающихся в авиационных моторах.

ШАХМАТЫ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ ГРОССМЕЙСТЕРА А. КОТОВА

А. Лилиенталь, занявший первое место в 12-м шахматном чемпионате СССР, провел в этом турнире ряд блестящих партий. Ниже приводим партию Лилиенталя с Ботвинником, красивейшую из всех сыгранных в турнире.

Лилиенталь — Ботвинник

Новоиндийская

1. d2—d4 Kg8—f6
2. c2—c4 e7—e6
3. Kg1—f3 b7—b6
4. g2—g3 Cc8—b7
5. Cf1—g2 Cf8—e7
6. 0—0 0—0
7. Kb1—c3 Kf6—e4
8. Фd1—c2 Ke4 : c3
9. Фc2 : c3 d7—d6

Первые 9 ходов давно известны в теории. Более точным считается 9. ... Ce4, вызывая размены после 10. Ke1, однако Ботвинник по положению на турнире должен был играть обязательно на выигрыш.

10. Фc3—c2 f7—f5
11. Kf3—e1 Kb8—c6

Правильно только 11. ... C : g2 или 11. ... Фc8, но при этом позиция упрощалась, а это черных не устраивало.

12. d4—d5 e6 : d5
13. c4 : d5 Kc6—b4?

Серьезная ошибка, ибо конь попадает на a6, где он не участвует в игре. Следовало играть 13. ... Ke5.

14. Фc2—d2 a7—a5
15. a2—a3 Kb4—a6
16. b2—b4 Ce7—f6
17. Cc1—b2 Фd8—d7
18. Cb2 : f6 Лf8 : f6
19. Ke1—d3 a5—a4

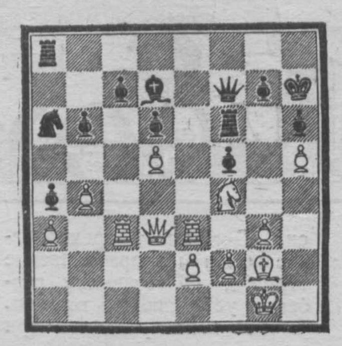
Окончательно передает инициативу белым. Лучшей возможностью для черных было 19. ...a : b 20. a : b Фb5 с последующим 21. ... Лe8.

20. Лa1—c1 Фd7—f7
21. Kd3—f4 Cb7—c8
22. Лc1—c3 Cc8—d7
23. Лf1—c1 h7—h6
24. h2—h4 Лa8—a7

На 24. g6 белые играют 25. Ke6—c5 26. d : c C : e6 27. c7 Лc8 28. Cb7 Л : c7 29. C : a6, выигрывая пешку.

25. h4—h5 Лa7—a8
26. Лc3—e3 Kpg8—h7
27. Лc1—c3 Лa8—b8
28. Фd2—d3 Лb8—a8

Черные вынуждены пассивно выжидать развития

событий. Лилиенталь планомерно подготовлял атаку и теперь получает возможность в несколько ходов решить борьбу.

29. Kf4—g6 Лf6 : g6

Иначе 30. Лe7 с разгромом.

30. h5 : g6+ Kph7 : g6
31. Лe3—e6 + Kpg6—h7

Брать ладью нельзя из-за проигрыша ладьи a8.

32. g3—g4 c7—c5
33. b4—b5 Ka6—c7
34. g4 : f5 Kc7 : b5
35. f5—f6+ Kph7—g8
36. Лc3—c4 Лa8—e8
37. Лc4—g4 g7—g5
38. Лe6 : e8+ Cd7 : e8

Нельзя бить ферзем ввиду 39. Лe4 и 40. Лe7.

39. Лg4—e4 Kpg8—f8
40. Лe4—e7 Фf7—g6

Если 40. Ф : f6, то 41. Л : e8+ Kp : e8 42. Ф : b5+, легко выигрывая. Избранное черными продолжение позволяет Лилиенталю закончить партию эффектной комбинацией.

41. Cg2—e4! Фg6—h5
42. Ce4—f3 Фh5—g6
43. Лe7 : e8+! Черные сдались,

так как на 43 Ф : e8 решает 44. Фh7 Фf7 45. Ф : h6+ Kpg8 46. Ch5, выигрывая ферзя.

КРОССВОРД

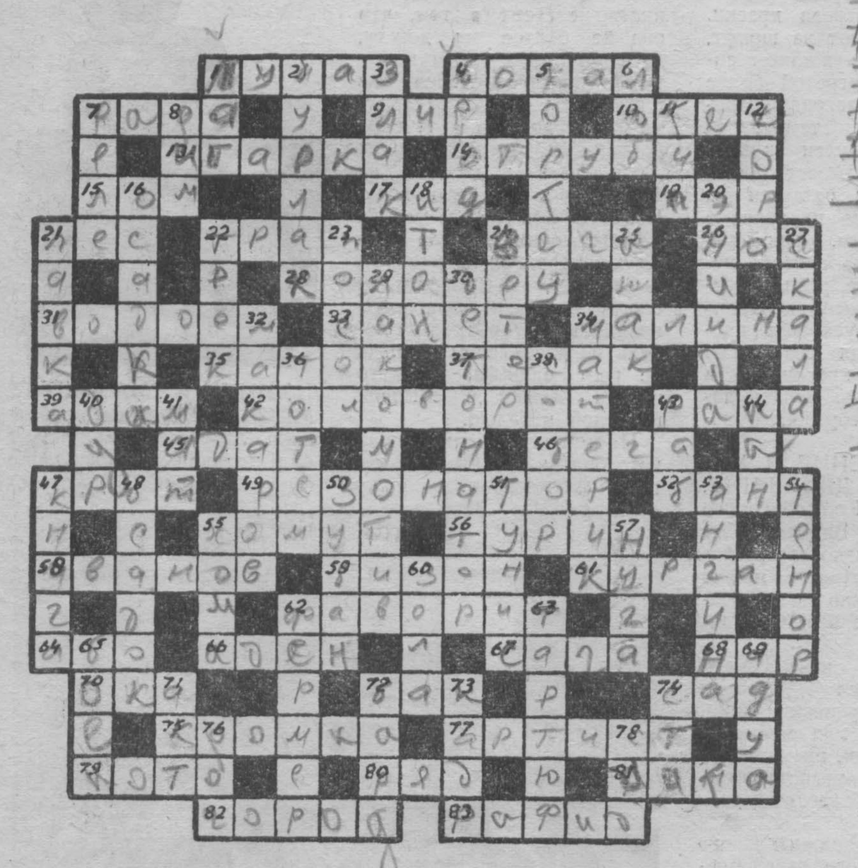
СОСТАВИЛ ЧИТАТЕЛЬ «ОГОНЬКА» И. ВИШНЕВСКИЙ

Слова по горизонтали

1. Амбар. 5. Сосуд. 7. Птица. 9. Персонаж Шекспира. 10. Внешнее проявление болезни сердца или почек. 13. Город в СССР. 14. Отход, получаемый при размалывании хлебных зерен. 15. Предмет хозяйственного инвентаря. 17. Английский драматург, современник Шекспира. 19. Английский титул. 21. Произведение Островского. 22. Лестница на корабле. 24. Звезда. 26. Произведение Гоголя. 28. Искусственный водоем. 31. Бассейн. 33. Форма поэтического произведения. 34. Ягода. 35. Спортивная площадка. 37. Холодное оружие. 39. Библейское мужское имя. 42. Инструмент для сверления. 43. Густой соляной раствор озер. 45. Обычное право у мусульман. 46. Испытания рысистых лошадей. 47. Животное. 49. Акустический прибор. 52. Украшение. 55. Часть сбруи. 56. Город в Италии. 58. Пьеса Чехова. 59. Дикий бык. 61. Древняя могила. 62. Любимец. 64. Город в Финляндии. 66. Военно-морская база Англии. 67. Сказание. 68. Одногорбый верблюд. 70. Река в СССР. 72. Часть палубы судна. 74. Участок, покрытый плодовыми деревьями. 75. Край. 77. Человек, избравший профессией искусство. 79. Японский музыкальный инструмент. 80. Совокупность однородных предметов, расположенных в одну линию. 81. Греческая буква. 82. Населенный пункт. 83. Кристалл щавелево-кислой извести.

Слова по вертикали

1. Прибор, определяющий скорость хода судна. 2. Один из персонажей известной картины Репина. 3. Растение. 4. Место переправы через реку. 5. Испанский конквистадор. 6. Часть лица. 7. Прибор для замыкания или размыкания электрической цепи. 8. Город в Италии. 11. Первоначальный образ. 12. Французский художник. 16. Глубина погружения в воду судна. 18. Город в Англии. 20. Произведение Виргилия. 21. Скамья. 22. Дорожка для соревнований велосипедистов. 23. Дипломатический представитель. 24. Движение воздуха. 25. Спиртной напиток. 27. Утес. 29. Паровоз. 30. Капсюль в снаряде. 32. Русский адмирал. 34. Континент. 36. Предмет поклонения первобытных народов. 38. Совещание. 40. Музыкальный термин. 41. Шахматный ход. 43. Невольник. 44. Древнегреческий бог. 47. Печатный труд. 48. Отстой. 50. Рыба. 51. Французская колония. 53. Болезнь. 54. Мужской голос. 55. Герой произведения Гоголя «Вий». 57. Восточная сладость. 60. Несгораемый остаток. 62. Американский крестьянин. 63. Произведение Мольера. 65. Часть молота. 69. Город в Абиссинии. 71. Действие. 72. Певец-поэт у кельтских народов. 73. Часть кинопленки. 74. Число. 76. Охотничья принадлежность. 78. Трагедия Корнеля.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ПОМЕЩЕННЫЙ В № 32 «ОГОНЬКА»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. Углеводы. 10. Скабиоза. 15. Наука. 16. Иго. 18. Оскар. 19. Аскарида. 22. Сарасате. 24. Ряж. 25. Ада. 26. Спа. 27. Умбра. 30. МЮД. 32. Арба. 34. «Нора». 36. Арго. 38. Иорк. 40. Уда. 42. Вуз. 43. Нюк. 45. Россини. 49. Еся. 51. Орган. 52. Абаза. 54. Цинк. 55. Бриз. 56. Овраг. 59. Аорта. 62. Лье. 64. Раккурс. 67. Ате. 68. Вал. 70. Тая. 72. Шанс. 74. Нуга. 76. Жало. 79. Анна. 81. Три. 82. Образ. 84. Мак. 85. Кот. 87. Оса. 89. Антиподы. 93. Тарапака. 98. Диета. 99. КИМ. 100. Табор. 101. Ассонанс. 102. Сиракузы.

ПО ВЕРТИКАЛИ:

1. Луна. 2. Дека. 3. Тисс. 4. Каре. 6. Гаспар. 7. Лук. 8. Вар. 9. Дядя. 11. Клад. 12. Боа. 13. Ока. 14. Затвор. 17. Горб. 20. Иран. 21. Ажур. 22. Саар. 23. Рамо. 26. Сад. 28. Марс. 29. Рами. 31. Диу. 33. Бук. 35. Охра. 37. Гриб. 39. Озе. 41. Акр. 42. Вяз. 44. Юдифь. 46. Онега. 47. Сурок. 48. Нагар. 50. Свифт. 51. Юко. 53. Аба. 57. Вол. 58. Арну. 60. Осел. 61. Тот. 63. Евн. 65. Краб. 66. Унжа. 67. Аян. 69. Аст. 71. Аак. 73. Адонис. 74. Нико. 75. Готы. 77. Азот. 78. Омар. 80. Наркоз. 83. Реки. 86. Один. 88. Саки. 89. Адам. 90. Тес. 91. Итог. 92. Пан. 94. Ата. 95. Пакт. 96. Абу. 97. Арык.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР И. ШАМОРИКОВ. ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА».

Адрес редакции: Москва, 40, улица «Правды», 24. Тел. Д 3-39-01, Д 3-36-95. Непринятые рукописи и кроссворды не возвращаются.

Оформление И. Уразова. Стат. формат 275×360 мм. ⅛ доля, 1½ бум. листа. Изд. № 1162. Техредактор А. Котельникова.

А33853. 3 п. л. Знаков в п. л. 105 000. Сдано в набор 19/X—40 г. Подписано к печати 23/XI—40 г. Зак. № 3686. Тираж 300 000.

Типография газеты «Правда» имени Сталина, Москва, ул. «Правды», 24.

ГОССТРАХ СССР
страхование домашнего имущества
КАЖДЫЙ ТРУДЯЩИЙСЯ
МОЖЕТ ЗАСТРАХОВАТЬ ОТ ОГНЯ
И ДРУГИХ СТИХИЙНЫХ БЕДСТВИЙ
обстановку, одежду, белье, швейные машины, радиоустановки, велосипеды, музыкальные инструменты, посуду, книги, сельскохоз. продукты и пр.
СТРАХОВАНИЕ ИМУЩЕСТВА ПРИНИМАЕТСЯ В ЛЮБОЙ СУММЕ В ПРЕДЕЛАХ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОЙ СТОИМОСТИ ПО ГОСУДАРСТВЕННЫМ или КООПЕРАТИВНЫМ ЦЕНАМ.
Плата за год с каждой 1000 рублей страховой суммы:
1) в городах — от 1 р. до 4 р.,
2) в сельских местностях — от 2 р. до 12 р.
ЗА СПРАВКАМИ ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИИ ГОСУДАРСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ ВО ВСЕХ ГОРОДАХ и РАЙОНАХ СОЮЗА ССР.

Огонек
Цена 50 коп.